

ЛЕОНА ВАЛИ

ЗА ПЕРИМЕТРОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДРАМА | ТРИЛЛЕР | ПОСТАПОКАЛИПСИС | ЛЮБОВЬ

Леона Вали

За периметром

«Автор»

2026

Вали Л.

За периметром / Л. Вали — «Автор», 2026

Для Оливии Кросс жизнь давно превратилась в расписание: подъём, проверка, работа, отбой. Те же стены, те же правила — и свобода, до которой нужно просто досчитать оставшиеся дни. Но однажды ночью гаснет свет. Воеет сирена. За дверью кто-то кричит о помощи. А утром одной из девушек нет. Сотрудники требуют оставаться в отрядах и не отвечают на вопросы. Лив могла бы просто ждать, но никогда не умела смотреть в сторону, если с кем-то из её людей что-то случилось. И чем настойчивее она пытается понять, что происходит, тем чаще сталкивается с Кейном Райдом — человеком, которого терпеть не могла ещё задолго до этой ночи. Он слишком привык контролировать ситуацию. Она слишком плохо умеет подчиняться. И пока привычный порядок рушится, Лив всё чаще приходится решать, кому верить — и что на самом деле ждёт её за периметром.

© Вали Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. До сирены	5
Глава 2. После сирены	16
Глава 3. Знак	25
Глава 4. До особого распоряжения	35

Леона Вали

За периметром

Глава 1. До сирены

5:30.

— Девочки, подъём! — наигранно и радостно пропела слегка писклявым голоском женщина лет сорока и включила полный свет. — Давайте-давайте, встаём! — похлопала она в ладоши и снова убежала по своим делам.

В это время я уже минут тридцать не спала и просто лежала с закрытыми глазами, надеясь, что время будет тянуться как можно медленнее. Вчера я легла в постель только ближе к двум часам ночи, а смогла уснуть ещё позже. Получалось, что в лучшем случае я спала два с половиной часа. И так уже пятый день подряд. Ничего, сегодня уже суббота, а это означает, что ещё один день — и я смогу поспать до десяти.

Весна. Осталось совсем чуть-чуть снега, и то только в местах, куда не попадало солнце. Я застегнула юбку на молнию сбоку. Она сошлась намного легче, чем в прошлый раз. Ещё похудела. И нет весов, чтобы взвеситься и узнать, насколько я стала легче. Такой график работы не давал расслабиться. Моя раковина была свободна, и я заняла её. Умывшись и заколов русые волосы крабиком, я повязала белую косынку и скептически улыбнулась самой себе.

Для меня утро всегда ассоциировалось со спешкой, потому что я никогда не могла заставить себя встать пораньше и сделать все дела не торопясь. Всегда всё в самый последний момент. И здесь было абсолютно так же, только теперь торопилась не я одна, а ещё шестьдесят женщин. Кто-то шёл, чуть ли не бежал, кто-то и вовсе бежал, кто-то толкался, не оглядываясь, как будто это уже стало нормой их бытия. И я научилась маневрировать среди них всех. Застегнув верхнюю пуговицу куртки, вдохнула затхлый запах чьих-то вещей и направилась к выходу.

6:00.

Вроде бы светило солнце, небо было ясное, голубое, но по утрам холод ещё пробирал, если стоять в тени. Я бы с удовольствием надела брюки, но нельзя. Все обязательно должны быть в юбках. Мы с девочками двигались как можно интенсивнее, выполняя утреннюю зарядку, чтобы согреться. Кто-то двигался чересчур карикатурно, что выглядело смешно и выделялось из толпы. Я уже ждала обеда: тогда смогу положить голову на двадцать минут и попытаться провалиться в сон. Тут я любила спать. С удовольствием вообще не просыпалась бы.

— Зарядка закончена! — крикнула девушка с крыльца. — Строимся на завтрак!

Я нашла в сонной утренней толпе Эн и Диану и встала рядом с ними.

— Сегодня должны новеньких привезти, — услышала я из глубины строя.

Мне всегда было интересно смотреть на новеньких: вдруг увижу знакомое лицо. Хотя я и твердила себе, что никого не жду, в глубине души знала, что это совсем не так. Я всё-таки кого-то ждала.

— Чёрт, я ложку в отряде забыла. Я сбегая за ней. Задержите всех, пожалуйста, — сказала Эн и уже повернулась к входу в локалку, но я успела схватить её за рукав зелёной куртки.

— Возьмёшь мою. Я не завтракаю, только круг сделаю и пойду обратно в отряд пить кофе.

Я не завтракала в столовой, потому что там были только каши. Ничего не имею против каш, но не все могу есть. Только гречку. Остальное... ну не могу. Даже когда собственная еда в бауле заканчивалась, на завтрак в столовой я могла съесть только кусок хлеба и выпить сладкий чай. Перебьюсь. Но завтракаешь ты или не завтракаешь — всё равно надо идти. Это называлось «круг почёта».

Мы построились в ряды по пять человек и пошли тремя отрядами в сторону столовой. Зайдя за угол здания, где располагался мой отряд, мы вышли на другой плац. Оттуда до столовой было по прямой, поэтому и повеяло баландой. Неважно: детский сад, школьная столовая, буфет колледжа, столовая на зоне — всё пахнет одинаково отстойно.

Перед входом выстроилась очередь в одну линию: все женщины по одной по-быстрому проскакивали в одинарный дверной проём. Кто оставался на завтрак — вставал в очередь, которая начиналась с лестницы первого этажа и тянулась до самой столовой на втором. Когда подходила очередь, брали на раздаче коричневые подносы. Ставили на них сладкий чай в бежевых пластиковых кружках. Подносы пахли селёдкой, если накануне на ужин была селёдка. Ещё они могли пахнуть не до конца смытым моющим средством, очень похожим на самую противную разновидность хозяйственного мыла. Здесь всё чем-то пахнет. Когда настала моя очередь проскочить через вход в столовую, я быстрым шагом сделала круг и пошла к выходу. Выход был с другой стороны, поэтому это и называли «кругом почёта». Оказавшись на улице, я заметила, что солнце уже начало прогревать воздух и находиться снаружи стало намного приятнее. Я вдохнула относительно свежий воздух и увидела, что строй по два человека уже собирался уходить. Я крикнула им вслед:

— Разрешите пройти с вами!

Я видела, что надзорка уже собиралась ответить мне отказом, но не успела: я подбежала и встала в их строй. И мы все быстрым шагом пошли по своим отрядам. У нас было пятнадцать минут позавтракать в отряде.

Я здесь уже три года и до сих пор не могла принять эти правила — передвигаться строем и в сопровождении инспектора. Маршрут, на который свободным шагом ушло бы максимум пять минут, порой занимал то полчаса, то час. Но, конечно, иногда можно было схитрить, пробежать, пока никто не видит. Правда, если тебя замечали во время очередного обхода территории, мало не покажется.

— Бля-я-ять! — крикнула шепеляво Нэнси. — Кто опять оставил чайник после себя пустым?

Видимо, я не успею попить кофе. Ладно, разберусь с этим на промке. Я пошла в каптерку: нужно было собрать с собой немного перекуса на весь день, тем более с утра я так ничего и не выпила. В комнате хранения вещей аншлаг. Кто-то залез наверх и там рылся в своём бауле, тоже собирался. Кто-то вальяжно разложился и не давал пройти другим. И запах. Кто-то засушил недосушенные вещи в баул, и они стухли. Как же въедается этот запах — хочется поскорее выбраться наружу и продышаться. Я по-быстрому собрала в прозрачный целлофановый пакет несколько конфет и чайных пакетиков и незаметно спрятала его в лифчике. Ну, немного подтают, но вариантов немного: есть захочется в течение дня.

— Проверка! Выходим! — раздался звонкий голос с улицы.

Я успела опереться о стену здания, выкрашенную белой краской, но моментально отошла: она оставляла белые меловые следы на одежде. Подвинулась поближе к стоящим впереди девочкам. Кто-то всё-таки ушил свою робу так, что она сидела по фигуре и красиво подчёркивала изгибы женского тела. Кто-то, наоборот, просто забил. Мне, можно сказать, повезло: выдали мой размер, поэтому сильно менять ничего не пришлось. Иногда казалось, будто специально выдают форму совсем другого размера, чтобы ещё раз немного принизить здесь человеческое достоинство и, самое главное, индивидуальность. Тут задача заполнить твоё время так, чтобы тебе было попросту некогда о чём-либо подумать. И если действительно не сопротивляться, то уже через пару лет себя не узнаешь. Многие вещи, которые ты считала дикими, становятся для тебя нормой. Сшить красивый чехол для ложки и постоянно носить её в кармане. Прятать крышку от консервной банки, чтобы ею можно было что-то нарезать, например колбасу.

— Ты сегодня до сколько? — спросила меня Диана, стоя справа от меня в соседнем строю.

— Я планирую до четырёх, — выдохнула я. — Хочу прийти поспать и вечером опять на фабрику пойду.

— Тогда вместе пойдем на ужин. Я подожду тебя. Я сегодня слышала, что в столовой будет пюре и котлеты.

— Ну это практически праздничный ужин, — рассмеялась Эн. — Лив, тогда с фабрики выходим в четыре вместе. И только попробуй заднюю дать.

— Пюре с котлетами — предел столовых мечтаний, а выйти с фабрики в четыре — это почувствовать себя человеком, — рассмеялась Диана. — Мне вас, промку, не понять. Да, я хозработник, постоянно что-то куда-то переношу, перекапываю запретку, но зато каждый день в четыре вечера я уже свободна и занимаюсь своими делами. Вообще не понимаю, как и зачем вы остаётесь там до ночи.

— И то за выход в четыре такое чувство вины ощущаешь ещё, — добавила Эн.

— На самом деле, если мы будем выходить в четыре каждый раз, то и зарплата у нас будет по триста рублей максимум. Это две пачки сигарет. А курить хочется, — сказала я.

Большую часть отрядов уже пересчитали, и главный инспектор смены пошёл в нашу сторону. Когда он приблизился, осуждённая, которая нас каждое утро будила, громко крикнула: «Три-четыре!». И весь отряд хором, громко и звонко: «Здравствуйте!»

Прозвучала команда: «Голос!»

Нас посчитали, и мы пошли строем в сторону фабрики.

— А много новеньких должно сегодня приехать? — спросила я.

— Я слышала, что большой этап едет. Может, человек четырнадцать, — ответила Диана. — Нужно, чтобы с большими сроками, чтобы интересные были. А то в последнее время скучно. То полтора года, то два.

— Так у тебя у самой трешка, что ты начинаешь-то. И у меня трешка, — прозвучал голос Эн. — И вообще этой осенью я уже пойду домой! — наигранно похвастала она.

Мне стало как-то грустно. Потому что я старалась не думать об этом. Ведь в ноябре Эн освобождается. А в октябре у Дианы суд по условно-досрочному освобождению. И шанс высокий, что она пройдёт и тоже этой осенью окажется дома. Нет, я не завидую. Но только чуть-чуть. По-хорошему. Потому что тоже хочу. А у меня впереди ещё три года и три месяца. Как представлю, сколько у меня ещё впереди, — жить не хочется. Кажется, проще умереть. Но позади ровно столько же, значит, половина пути уже пройдена. Это немного успокаивает.

— Через сколько крой отдашь? — с наездом спросила Мавлюда, вплотную встав перед моей машинкой. — Мне сколько тебя ждать надо еще?

— Не переживай, — я оторвала взгляд от швейной машинки и улыбнулась ей. — Ты обязательно узнаешь, когда я закончу.

В этом месте большая часть женщин, научившись быстро шить — да, именно быстро, а не качественно, — надевает некую корону и начинает считать себя выше остальных. А я не торопилась. Я специально не торопилась, потому что если сделаю много брака, то никто не будет помогать мне всё это исправлять.

Мавлюда что-то фыркнула на своем и недовольно ушла.

— Как же она заебала, — выдохнула я. — Это она ещё не знает, что я сегодня с ней не остаюсь до поздней ночи, а выхожу в четыре.

— Пусть до последнего и не знает, что ты выходишь, — прокомментировала сидевшая рядом Кристина и рассмеялась. — Тебе что, каждый день до часу ночи с ней оставаться? Тебя вообще не должно волновать, что ей хочется быть впереди планеты всей.

— Да, ты права.

Я снова продолжила отшивать крой. Впереди было ещё полтора часа монотонной работы до первого перерыва. Вокруг шумели моторы, разговаривали женщины, кто-то уже что-то не поделил и выяснял отношения. Прошло только полчаса от начала рабочей смены, но я уже ощущала себя грязной. Чувствовала липкий жирный слой на лице, к которому прилипали текстильная пыль и частички синтепона. Я взяла влажную салфетку и протёрла ею лицо. Ну всё, теперь легче.

9:00.

Шум машин почти одновременно стих. После двух часов непрерывного грохота внезапная тишина даже давила на уши. Кто-то уже хватал сигареты, кто-то чай, кто-то шёл в туалет. Всего десять минут — поэтому все торопились. А я ожила, сделав первый глоток сладкого растворимого кофе за сегодня.

— Спрячь! — шепнула Кристина.

Я одним ловким движением спрятала кружку с кофе в стопку отшитого кроя и надеялась, что меня не заметили. Я далеко не первый день здесь, но всё равно каждый раз в такие моменты сердцебиение учащалось и становилось страшно попасться. Ведь если инспектор найдёт у меня что-то съедобное на промке, то это нарушение. А нарушение — огромная палка в колёсах на пути домой пораньше. А домой хочется: меня там ждут.

— Кажется, прошла мимо, но всё равно тоже смотри. Она может обратно этим же путём пойти, — сказала Кристина, оглядывая цех. — У тебя сегодня звонок, помнишь?

— Да, как не помнить. Я сегодня в четыре и выхожу ради него.

— Кому сегодня звонишь?

— Я хочу попробовать дозвониться до Логана. Он два звонка подряд не отвечал, — сказала я. — Я уже начинаю переживать.

— Лив, не думай лишнего, не загоняй себя ещё сильнее. — Кристина положила руку мне на плечо, и мне стало легче.

Я была примерно того же возраста, что и её старшая дочь. Двадцать четыре. И внешне тоже напоминала Кристине её дочь. У меня светло-русые волосы чуть ниже плеч, серые глаза и светлая кожа. Сейчас, конечно, от аристократической белизны мало что осталось: на проверках приходится стоять под солнцем, и загар быстро прилипает. Когда меня сюда привезли, мне рассказывали, что тут грязный загар. Я не понимала. Но сейчас и сама стала обладательницей такого загара.

— У нас осталось пять минут. Все, пошли! — сказала Кристина, и мы тоже пошли в курилку.

Вот куда переместился весь гул. Он был здесь — в курилке. Все разбились по своим кучкам: кто с кем пил чай и ходил курить. В первое время я думала, что тут не так страшно: милые девочки, все зовут с собой покурить. Но звали до тех пор, пока у меня впервые не закончились сигареты. Именно в момент, когда у тебя тут заканчивается всё, ты отсеиваешь ненужных тебе людей. Баульщиц. Тогда мы и познакомились с Кристиной. Она подошла ко мне и сама позвала курить, а на мой ответ, что у меня нет, сказала: «Вот ты глупая! Пошли». И с тех пор я ощущала на себе её опеку. Порой она меня и бесила, я хотела отделиться, но когда ты держишься с кем-то, выживать проще. Это я, кстати, тоже только тут поняла.

— Тебе сколько еще осталось до тридцать пятого? — спросила высокая и худощавая женщина, держа сигарету губами, потому что передних зубов не хватало.

Зная, что она сидит уже девятый или десятый год, а впереди ещё около четырёх, становилось немного не по себе. Сразу начинала высчитывать, сколько мне было лет, когда её посадили.

— Не на мне стоит! — Мавлюда самый обычный вопрос сразу восприняла как предьяву. — Если поторопишь её, — она показала в мою сторону, — то весь отдам к шести-семи.

Она еще не знает, что я выхожу в четыре. Я повернулась к ним спиной, чтобы они не увидели мою улыбку.

— Нет, не надо никого торопить. Я, наоборот, хочу сегодня выйти пораньше. Мне дочери надо позвонить, — сказала Нэнси и выкинула бычок в урну. — Сколько успеем, столько и успеем. До отгрузки время ещё есть. С этими словами она зашла обратно в цех.

— Сегодня я обязана выйти в баню. Я уже два раза подряд пропустила. Я больше не могу мыться в раковине и ведёрком, — пожаловалась девушка лет тридцати пяти. Я не знаю её имени. — У меня стирки накопилось! Я даже не представляю, где всё сушить потом. На улице попиздят опять наволочки и простынь. Устала уже новые выписывать за свой счёт.

— Я завтра иду на длительное, там в нормальный душ схожу — одна! Без всех вас, — похвасталась другая девушка, а её, по-моему, звали Вики. — Ко мне муж приедет. Отдохну от всех вас наконец-то!

— Сегодня должны принести подписанные заявления на звонки, а то у меня не осталось. Вот сегодня позвоню — и всё, больше нет, — сказала в курящей толпе Лиза. — Каждый раз сдаю по семь-десять, но приносят два. Как будто про запас нам подписать их!

Я затянула сигаретный дым в лёгкие и медленно его выпустила. Тишина бывает здесь редко. Вокруг постоянный информационный шум. Хочешь — не хочешь, будешь всё обо всём знать. Я повернулась к Кристине и сказала:

— У нас осталось две минуты.

— Не опоздаешь. Видишь, сколько людей еще в курилке. По камерам будет сложно понять, кто именно задержался на перерыве.

Я согласилась с этим, но внутри всё равно сохранилась тревога: я задерживалась на перекуре, надзорка могла сейчас зайти, снять всех на свой регистратор, а потом ходи, бегай, уговаривай не вешать нарушение... Иногда завидую спокойствию Кристины, ну или пофигизму.

— Там карантин приехал. Побежали смотреть! — кто-то крикнул, и большая часть людей выбежала из курилки.

В первом цеху, где я и работала, из окна в туалете открывается очень хороший обзор на вновь прибывших людей. В этот момент можно еще увидеть их до перевоплощения в зеленую робу. Я не любила бегать смотреть. Все равно же увижу их. Мы с Кристиной остались в курилке спокойно докуривать и только потом пошли к рабочим местам.

На обед — капуста на первое и капуста на второе. Из напитков можно выбрать кисель или... да, тоже кисель.

— Черт, я ложку забыла забрать, — выдохнула я и оторвала нижнюю корочку от столовского хлеба, сделав импровизированную ложку. Этому меня научили тоже здесь.

— Говорят, восемнадцать человек приехало, — сказала Скарлетт. — Дай, пожалуйста, майонез, — одновременно попросила она. — Молоденькие.

— Да, я видела четверых из них в санчасти, когда за таблетками ходила, — добавила Мэди. — Выглядели они не очень. Наверное, наркоманки.

— Слышь, — встряла Елена, — по-твоему, я тоже ужасно выгляжу? — и рассмеялась.

— Определённо ужасно, — прокомментировала я. — Особенно в этом пиджаке и косынке, — я рассмеялась, поправляя на себе точно такую же одежду.

Елена была красивой девушкой, но ее прошлое все же оставило сильный отпечаток и на ее здоровье, и на ее внешности.

— Я после этапа тоже отвратительно выглядела, — вспомнила я. — Помню: январь, холод, а я в лёгкой одежде, потому что мою тёплую куртку кто-то украл. Сто пятьдесят километров растянулись на месяц пути. Помню, что хотелось есть и согреться. А вы затыкали дырку унитаза бутылкой, чтобы оттуда ночью не вылезали крысы?

— Фу! Ну зачем за столом, — сморщила лицо Скарлетт. — Мой этап прошёл полегче, мне не встречались крысы.

— А мы их даже кормили, чтобы они нас не кусали, пока мы спим, — продолжила я.

— Лив, ну всё, перестань, — Мэди вступилась за подругу.

— А карантин же сам за едой ходит, да? — спросила я. — Просто никого из них нет.

— Да, наверное, просто сопровождение все ждут, — высказала своё предположение Скарлетт.

— Заканчиваем! — на весь обеденный зал громко сказала девушка лет тридцати с длинными тёмными волосами, собранными в высокий хвост. Она была в камуфляжной форме. Мария Ривера. Один из немногих адекватных инспекторов в этой колонии. С ней можно было найти общий язык и о чём-то договориться. — Выходим и строимся!

На обратном пути к промзоне нас даже не пересчитали. За три с лишним года в этих стенах я такого не припомню. Или мне показалось? От однообразия мозг уже сам придумывает разные сценарии.

И снова впереди несколько монотонных часов.

Я начала проваливаться в сон, но руки продолжали подгибать ткань, а нога — нажимать на педаль. В таком состоянии я несколько раз прошивала себе пальцы. Это казалось страшнее, чем было на самом деле. Тут ежедневно набирается минимум пять прошитых пальцев, а то и больше. Поначалу это казалось страшной травмой, а теперь уже никто особо не обрабатывал. Максимум — промыть и забинтовать влажной салфеткой. И всё.

Я резко вздрогнула: ко мне кто-то подбежал. Повернулась — Кристина. Она нагнулась и проговорила мне на ухо:

— Кажется, будет общий вывод с фабрики. Уйдем все в четыре. И даже Мавлюда.

Я окончательно проснулась.

— Откуда такая информация? Почему?

— Я пока курила в туалете, увидела, что было большое построение. Были инспектора, начальники отряда, ну вся администрация. И Кейн что-то объявлял. Видимо, серьёзная проверка едет.

— Кто такой Кейн? — в недоумении спросила я.

— Ну как его, Райд, мистер Райд.

При упоминании Райда я поморщилась. Именно благодаря ему я вместо библиотеки оказалась на швейке. Три года прошло, а тот разговор до сих пор вспоминать было противно. Я снова посмотрела на Кристину: если это действительно проверка, почему нас собираются выводить раньше времени?

14:00.

— Девочки, кто остаётся после четырёх? — спросила бригадир. — Мне нужно составить список.

Большая часть находившихся в курилке людей подняла руки, чтобы их записали. Я искала глазами Маю, нашего бригадира. Мне нужно было предупредить её.

— Я в четыре выхожу. Меня не теряй, — я подошла к бригадиру. — Сегодня ночью дошью крой и отдам.

— Лив, не переживай, — улыбнулась Мая. — Ты не опаздываешь. И вообще, я советую тебе остаться сегодня в отряде и отоспаться. Ты нам живая нужна, а то посмотри на себя, — она провела взглядом с головы до ног, — ссохлась вся! Ничего от тебя не останется. А синяки под глазами? Что это такое? Поэтому, если почувствуешь, что нет сил и желания, не приходи сегодня на фабрику ночью. Поняла меня? Не заставляй себя.

— Спасибо, — улыбнулась я и пошла обратно в сторону Кристины.

Курилка представляла территорию, огороженную по периметру профлистом. В обед, когда солнце в зените, она сильно нагревалась, и становилось невозможно в ней находиться.

Зной. Сигаретный дым. Галдёж.

— Там скорая приезжала. Двух из карантина увезли, — услышала я в толпе.

— А я слышала, что приехали и просто сбили температуру. И что забирать никого не стали.

— Ну, в жилзоне во время обеденной проверки, говорят, карантин вообще не видели.

— Наверное, грипп или отравились чем-то во время этапа, — пыталась унять всех Мая. — Не развозите ерунду. Отшивать всё равно надо будет. Отгрузку никто не отменял! — Она закурила сигарету. — Ночью ещё холодно, днём уже жарко. Вот и простыли девочки. Не придумывайте.

Я выбросила недокуренную сигарету. В этой духоте невозможно курить. Я сняла косынку и распустила волосы. Почувствовала, как голова задышала.

— Внимание! — раздался крик из цеха.

Я быстрым и уже отработанным движением вернула косынку на голову, будто и не снимала. Оглянулась: несколько женщин делали абсолютно то же самое. Никому не нужны нарушения. До конца перерыва оставалось ещё пять минут, поэтому я никуда не встала и продолжила сидеть на скамейке.

В курилку зашла Ривера. Тишина. Она окинула всех присутствующих взглядом и сказала:

— Внимание! Кто планирует выход с фабрики в четыре, то бегом строиться на вывод.

— А что, в четыре не будет вывода? — спросила бригадир.

— Нет. Следующий вывод будет только в восемь, — ответила Ривера. — Поэтому давайте-давайте, а то не успеете. — И она ушла.

За более чем три года здесь это было во второй раз. В первый раз случилось масштабное отключение электричества, и нас всех вывели ещё до обеда. Наверное, действительно ехала серьёзная проверка.

На неплановый двухчасовой вывод построилось больше человек, чем обычно. Я оглянулась и встретилась взглядом с Мавлюдой. Она с прищуром смотрела в мою сторону, была недовольна. Я ей улыбнулась и помахала рукой.

— Ну всё, не издевайся над ней, — прокомментировала Кристина. — Но так ей и надо, всех достала уже.

Строем по пять человек мы пошли в свои отряды. Наш — четвёртый. На плацу, кроме нас, никого не было. Инспекторов для сопровождения тоже не оказалось. Мы шли сами по себе, как нам и сказали.

— Только что звонили из дежурной части. До ужина из отряда никуда не выходим. Сидим в отряде. Надеюсь, все услышали, — сказала завхоз. — Если мне будут высказывать, я отправлю вас, и будете сами объясняться. Слышали все?

В это время был хороший напор горячей воды, и я побежала занимать свою раковину в умывальнике. Она была крайней, у окна с подоконником. Я поставила на него свои банные принадлежности. Сняла всё, что выше пояса, и начала намыывать тело ароматным мылом. Рядом со мной то же самое делали ещё семь женщин. Брызги летели в разные стороны. После того как я помыла голову в раковине, набрала воды в небольшое ведёрко и зашла в кабинку туалета. Кабинок было пять на шестьдесят человек. Работали четыре. Перегородки были из прозрачного пластика. Дверь в кабинку не закрывалась изнутри. Ну тут и ошибочно не зайдёшь: ты и так видишь, какая кабинка занята, а какая нет. Четыре женщины сидели на унитазах за прозрачными перегородками и подмывались ведёрками. Никогда не думала, что так буду мыться. А сейчас это был единственный способ оставаться свежей, когда в душ можно сходить только два раза в неделю.

17:00.

После ужина мы вчетвером сели в чаепитке попить чай.

— Сегодня ходили, укрепляли колючку, проверяли забор. Не думаю, что этим должны мы заниматься. — Ди показала руки. — Я вся изрезалась.

— А проверка приезжала? — спросила Кристина.

— Какая проверка? Никого не было, — даже не поняв вопроса, ответила Ди. — Я весь день в жилке и никого не видела. Только местные, и всё. — Она развела руками и поднесла чашку чая к губам.

— А кто телевизор сломал? — раздался недовольный крик из другой части отряда. — Он не включается!

— Ни дня без ора, — выдохнула я и пошла смотреть, что происходит.

Я подошла к телевизору. Действительно ничего не показывал. Лишь серый экран и шипение.

— Может, авария какая-нибудь?

Всё равно по этому телевизору не показывали ничего интересного. Я пошла к своей шконке и прилегла поспать.

— Внимание! — крикнула завхоз. — Идёт начальник отряда!

И часа прилечь не дадут. Я вскочила, поправила заправочную простынь, чтобы не было видно, что на ней только что лежали, и встала рядом со шконарём.

— Три-четыре!

И все хором: «Здравствуйте!»

Я пошевелила губами, ещё толком не проснувшись.

В секцию зашла молодая женщина, но из-за помады и стрижки казалась намного старше своих лет. Это была миссис Митчел.

— Строимся! — объявила она. — Сейчас вас посчитаю, и можете заниматься своими делами.

Вечерняя проверка должна была быть в девять, но сейчас не было ещё и шести. Мы построились по проходам между спальными местами по пять человек. Она прошлась по рядам, всех посчитала и вернулась на прежнее место.

— Так, — произнесла она. — Внимательно все меня слушаем. За последнее время со стороны осуждённых было допущено огромное количество нарушений распорядка. Кто-то находился на спальном месте в неотведённое для этого время. Кто-то прошёл из бани без сопровождения. Кто-то пронёс продукты питания на фабрику.

— У нас не было таких нарушений за последнее время, — встряла Мая.

— Это касается всех отрядов, — ответила миссис Митчел. — Начальником исправительного учреждения было принято решение наказать все отряды сроком на две недели.

— Станки опять забираете? — выкрикнул кто-то из последних рядов. — Да сколько можно! Я и так пропустила предыдущую баню, так теперь еще две недели побриться не смогу.

— Так, — строго одёрнула начальница отряда. — Отставить! Станки остаются. Две недели без телевизора и телефонных звонков.

Строй из женщин начал громко возмущаться.

Кристина сразу посмотрела на меня.

Я уже два звонка не могла никак дозвониться до Логана. Это две недели. Я понимала, что человек мог просто отвлечься, не услышать звонок или быть действительно занятым. Это у меня тут только определённое время и пятнадцать минут на дозвон и сам разговор. Он увидел пропущенный звонок и продолжил жить дальше. А у меня в голове страшная неизвестность. Может, с ним что-то случилось? Или, может, он с кем-то? Чёрт, я не могла перестать думать об этом... Мне нужно услышать его. Мне нужна ясность.

— Я две недели его не слышала, — прошептала я Кристине, пока в строю решали, из-за кого так всех наказали. — Да я живу тут только от звонка до звонка ему... Длительное свидание ещё не скоро... Я просила маму дозвониться до него. Он сказал ей, что много работает. Он же знает точное время и день моего звонка. Суббота в шесть вечера. Трудно держать

телефон рядом? — Я пыталась сдерживать слёзы: если дать им волю, то я не смогу так просто остановиться.

— Малышка, — приобняла меня Кристина. — Не думай о плохом, ты этим только себе хуже делаешь. Напиши письмо. Когда-нибудь оно дойдёт до него.

— Он мне рассказывал, что переехал. Я не знаю адрес, — прошептала я. — Я записала его новый адрес на листочке и потом на нём же составляла список покупок в магазине. И выкинула, скорее всего.

— Не думай об этом, — успокаивала меня Крис.

Митчел оглядела весь строй взглядом в поисках кого-то.

— А вот ты где, Дэвис, — сказала она, обращаясь к Диане. — Собери весь хозотряд и идите в дежурную часть.

— Миссис Митчел, а вы не знаете, это надолго, ну стоит переодеться в рабочую одежду? — уточнила Диана.

— Я не могу точно ответить, но если задержитесь допоздна, то завтра разрешаю всему хозотряду тоже поспать до десяти вместе с фабрикой. Так что лучше переоденьтесь, — ответила Митчел и ушла в свой кабинет.

К восьми вечера я сделала все свои бытовые дела в отряде. К этому времени должны были прийти девочки, которые остались на фабрике. У них около двадцати минут, чтобы закинуть в себя что-нибудь и снова убежать на фабрику, поэтому те, кто уже был в отряде, старались оставить комнату приёма пищи пустой и не мешать. Я лежала на шконке на боку, поджав ноги к себе. Для уюта накрылась своим зимним платком и читала роман в мягкой обложке. Только книги и сны дают возможность почувствовать свободу, находясь в этом мире.

20:30.

— Лив, оставайся и поспи. Не иди ты на эту швейку, — проворчала Эн. — Пошли лучше чай с чем-нибудь вкусным перед сном попьём.

— Я уже собралась, — ответила я и вышла из отряда в локалку к остальным, кто тоже собрался на фабрику в ночь.

Нас желающих было около двадцати человек. Все они разбрелись по локальной зоне. Кто-то курил, кто-то отошел в сторону, чтобы не дышать этим дымом. Кто-то ходил вдоль забора и обратно, измеряя шагами расстояние. Я достала пачку, посмотрела и убрала ее обратно в карман. Не стала закуривать.

— Вывод задерживается, что ли? — кто-то спросил.

— Может, не досчитались кого-то или уснул кто-то на фабрике.

— И в отряд тоже никто с фабрики поужинать не забежал. Все, что ли, в столовую пошли сегодня на пюре с котлетами?

Может, мне действительно остаться сегодня в отряде?

— Фабрика отменяется! Заходите обратно, — выбежала на крыльцо с новостью Стеф, наш завхоз. — Только что из дежурки сообщили.

Значит, точно приехала проверка. Наверное, они не стали выводить оставшихся с фабрики, чтобы по камерам не было видно, что в этой колонии есть незаконные переработки.

Несколько человек начали возмущаться, что им не дают шить, работать в ночь, что у них скоро отгрузка пошива. Но большая часть девочек радостно воскликнула и побежала в отряд делать свои девчачьи дела. И я побежала вместе с ними.

После внеплановой проверки нас больше не строили. Все режимные мероприятия остались позади. День подошёл к концу. Кто-то заваривал последний чай, кто-то ещё переговаривался через несколько кроватей, а кто-то уже храпел. Я приняла удобную позу, натянула на себя одеяло и закрыла глаза. Наконец-то я снова была в постели и могла немного отвлечься от реальности.

— Ты завтра во сколько встаёшь? — раздался за спиной голос Эн.

— Я буду спать до последнего. До десяти. И если меня кто-нибудь разбудит, я его убью.

— Даже если на завтрак?

— Тем более. Спокойной ночи.

— Добрых, — ответила подруга и ушла в свой проход.

Интересно, чем сейчас занимается Логан? Как часто он думает обо мне? Я не смогу звонить две недели — может, он насторожится и будет более ответственно относиться к моим звонкам...

Где-то за стеной коротко лязгнул металл. Я приоткрыла глаза и прислушалась. Похоже, в карантине снова хлопнули двери. Даже ночью здесь редко бывает тихо.

03:17.

Меня подбросило на кровати от глухих ударов в металлическую запасную дверь — она была метрах в десяти от моей шконки. Я открыла глаза. Вокруг стояла полная темнота. Только луна пробивалась сквозь окна, на которых не задёрнули шторы. Ночной свет обычно не выключали, и я уже отвыкла от такой темноты. Я оглядывалась, пытаюсь понять, что происходит.

— Ты слышала? — шёпотом спросила соседка с верхней шконки.

— Что происходит? — пробормотала я, скорее себе, чем ей.

Удары повторились. Будто кто-то пытался вломиться к нам внутрь.

— Обход должен быть. Может, мы дверь закрыли и надзорка попасть не может? — предположил кто-то. — Я пойду открою.

— Стой! — крикнула я шёпотом и вскочила, чтобы успеть её остановить. — Дверь открыта! Я сама перед сном оставила её незапертой для ночного обхода.

Собственный пульс я слышала лучше голоса. Почему мне так страшно? Это же просто стук... Но если дверь открыта, почему они не входят? Надо закрыть её. И как можно скорее.

Не надевая обуви, я на цыпочках пошла к запасной двери. Она действительно была не заперта. Я замерла в нескольких шагах от неё. Почему они не могут просто войти? Зачем так ломиться?

— Там же карантин находится, да? — услышала я за спиной.

— Да, — ответила Мая. — Может, крыша поехала у кого-то из новеньких? Или отхода? Кто их знает... Выглядели они так себе.

По металлу снова забарабанили — теперь без остановки. Грохот прокатился по всей секции. Уже никто не спал. Под этот шум я осторожно задвинула засов на запасной двери и вернулась к остальным.

— Я главную тоже закрыла, — выдохнула Стеф. — Что за чертовщина! Есть у кого спички? А то ничего не видно.

Уличное освещение тоже погасло. Наши окна выходили на административные здания за забором — там было темно. Обычно при отключении электричества в жилзоне меньше чем через минуту запускался резервный генератор, и свет возвращался. Поэтому во время отключений всех выводили с фабрики: чтобы были на виду. Но сейчас генератор почему-то молчал.

— Стеф, звони в дежурку, спроси, что это за хуйня, — сказала я. — Меня это уже пугает.

— Электричества нет. Как я позвоню?

— Чёрт, — выдохнула я.

Удары оборвались. Наступила тишина.

— Наконец-то её скрутили... Чокнутая совсем. Надеюсь, после карантина её не к нам в отряд, — сказала Эн. — Стеф, открой чаепитку. Пойду хоть перекушу.

— Тихо! — шепнула я.

Я снова подошла к запасной двери и прислонилась ухом к холодному металлу. За ней было тихо. Ни шагов, ни голосов. Если бы пришли сотрудники и кого-то скрутили, мы бы слышали. Только мой пульс грохотал в голове.

— Откройте! — по ту сторону двери раздался женский крик. — Помогите! Прошу! Откройте! — Женщина захлёбывалась слезами.

Меня пробрала дрожь.

— Может, в карантине конфликт произошёл, — предположила Эн. — Её надо впустить. Она же просит помочь. Слышите? Она плачет! Мы что, звери? — Эн подошла ко мне. — Открой дверь.

Я отрицательно покачала головой.

— А нам кто потом поможет? — шёпотом спросила я и заслонила собой дверь, не подпуская Эн.

По лестнице за дверью застучали шаги. Судя по звуку, бежало несколько человек. Мы с Эн одновременно повернули головы.

— Назад! — раздался мужской голос. Обычно сотрудники отдавали команды уверенно и спокойно, но сейчас я услышала в его голосе тот же страх, что чувствовала сама. — Я сказал, назад!

Внезапно темноту разорвала оглушительная сирена. Мы невольно зажали уши. Что происходило за дверью, больше не было слышно.

Глава 2. После сирены

03:17.

Сирена завывала так громко, что я даже не сразу поняла, откуда идёт звук. Он будто появился у меня внутри головы. Эн стояла совсем рядом, держалась за уши и что-то кричала, но я видела только, как шевелятся её губы. В проходе кто-то врезался плечом в тумбу, кто-то выронил кружку. В полной темноте мы начали толкаться, хотя места в секции меньше от этого не стало.

Я стояла у запасной двери и смотрела на засов. Он был задвинут. Я сама его закрыла. И теперь почему-то не могла отойти.

Из окна падал слабый лунный свет. Генератор так и не запустился. Обычно в таких случаях достаточно подождать совсем немного — сначала щелчок, потом лампы загораются одна за другой. Но сейчас прошло уже несколько минут, а вокруг ничего не изменилось.

Сирена оборвалась так же резко, как началась. У меня зазвенело в ушах. И в этом звоне я услышала женский голос:

— Пожалуйста! Я здесь! Откройте!

Она успела выкрикнуть ещё что-то, неразборчивое. Потом послышался глухой удар, будто на лестнице уронили что-то тяжёлое. Крик оборвался. За ним — быстрые шаги. Несколько человек бежали по лестнице, перебивая друг друга. Кто-то вскрикнул ещё раз, уже дальше, и стало тихо.

— Что это было? — спросила Эн.

Я посмотрела на неё. Лучше бы она не спрашивала. У меня не было ни одного ответа, который я сама готова была услышать.

— Открой, — сказала она.

— Нет.

— Лив, она же там!

— Я слышала.

— Может, она упала!

— А те, кто побежал, кто? Ты знаешь?

Эн отступила на шаг и зло вытерла лицо рукавом. Кристина встала между нами, не давая спору продолжиться.

— Обе отойдите от двери. Если там сотрудники, они сейчас разберутся.

Очень хотелось ей поверить. Я отошла к своей шконке, нащупала ногой тапочек. Второй куда-то делся. Конечно, именно сейчас. За три года здесь я научилась находить свои вещи с закрытыми глазами, но сегодня всё шло как-то неправильно.

— Девочки, назад от выхода! — крикнула Стеф. — И не орите все одновременно!

— Так объясни, что происходит! — ответила ей Нэнси.

— Мне никто ничего не объяснял!

Это мы уже поняли.

03:26.

Стеф нашла спички. После трёх неудачных попыток она зажгла свечу и поставила её в кружку на подоконник. На столе в чаепитке появилась вторая. От двух огоньков почти не стало светлее, зато можно было хотя бы различать лица тех, кто стоял рядом.

Часть женщин рвалась к главному выходу. Они считали, что надо искать инспектора и выяснять, что за хуйня происходит. Другие требовали закрыть вообще всё, что можно закрыть, и не высовываться. Спорили громко, перебивая друг друга, будто кто-нибудь из нас знал больше остальных.

Я присела на край шконки и надела носки. От пола тянуло холодом. Нора свесилась сверху.

— Ты слышала, что было после крика?

— Шаги. И удар.

— А потом как будто тащили что-то по ступенькам.

— Может, её подняли.

— Может.

Нора коснулась пальцами шрама над бровью и посмотрела в сторону двери. Она вообще просыпалась от любого шума, а сегодня, кажется, так и не решила, что страшнее — заснуть снова или сидеть и слушать.

С главной стороны отряда слышались шаги, а потом громкий стук. Мы все притихли. Стеф подхватила свечу и пошла по проходу. Мая двинулась за ней. Я тоже поднялась, но Кристина поймала меня за рукав.

— Ты-то куда? Стой здесь.

— Я просто посмотрю.

— У нас и без тебя желающих хватает.

За дверью кто-то назвал фамилию Стеф. Она узнала голос и подошла ближе. Я не видела человека снаружи, только слышала мужской голос. Он говорил быстро, будто каждую секунду ему надо было успеть в другое место.

— Распоряжение дежурной части: отряд не покидать. Двери держать закрытыми. На стук не открывать без подтверждения сотрудника. Ждать дальнейших указаний.

— Что произошло? — сразу спросила Стеф.

— Отряд не покидать, я сказал. Всем находиться внутри.

— А свет? Связь? У нас телефон не работает?

Ответа не последовало. Снаружи застучали удаляющиеся шаги.

— Стойте! — крикнула Стеф в дверь. — Диану Дэвис и хозотряд куда отправили? Они не возвращались!

Шаги не остановились.

Нэнси выругалась, и на этот раз её никто не одёрнул.

— Это что за распоряжение такое? Сидите и не отвечивайте? — спросила она.

— Значит, сидим, — ответила Мая. — Хотя бы до утра.

— А если до утра нас тут забудут?

Никто не ответил.

03:41.

Стеф попробовала позвонить ещё раз, но трубка молчала. Женщины тут же стали предлагать свои варианты: проверить другой аппарат, пойти в соседний отряд, постучать по трубе. Последнее мне особенно понравилось. Как будто у администрации есть специальный график приёма сигналов по батарее.

— Давайте хоть по головам не ходить, — сказала Кристина. — Сядем и нормально поговорим.

Нормально у нас не получилось.

— У меня на швейке сестра осталась, — сказала Лиза. — Она с ночной смены не вернулась, и вообще никто с фабрики не пришёл. Мы что, будем просто ждать, пока их там запрут и сожгут?

— Кто кого сожжёт? — спросила Мая.

— А я знаю? Тебе приказали сидеть, ты и рада.

Мая поднялась из-за стола. Она была выше Лизы почти на голову, и та сразу заговорила потише, хотя отступать не стала.

— Я не рада. У меня там тоже люди остались. Но если мы все сейчас выйдем на промку, ты можешь сказать, что с нами будет? Нас кто-нибудь проведёт? Откроет ворота? Или мы там будем орать и бегать по темноте?

— Значит, надо хотя бы двоим выйти и посмотреть!

— Не выйдет никто, — вмешалась Стеф. — Вы слышали распоряжение.

— Ты его слышала. Мы даже не видели, кто там стоял.

— Я голос сотрудника знаю.

— Ну и прекрасно! А Диану ты тоже знаешь. Где она?

И вот тогда я по-настоящему вспомнила про Ди.

Не просто как про человека, которого нет рядом. А как про Диану: вчера за чаем она показывала нам испарянные руки и ругалась, что их заставляют укреплять колючку. Обещала дожидаться меня на ужин, смеялась над нашими переработками и собиралась осенью выйти по УДО. Миссис Митчел отправила её собрать весь хозотряд и идти в дежурную часть. Ди спросила, переодеваться ли в рабочую одежду, и ей разрешили завтра спать до десяти, если задержатся.

Она переоделась и ушла. И больше я её не видела.

— Кто-нибудь вообще видел хозотряд вечером? — спросила я.

— Я слышала, их на ограждение погнали, — отозвалась Скарлетт. — Ещё до отбоя говорили. На внешку или на запретку, не знаю.

— Кто говорил?

— Девочки из третьего. Я курить ходила и подслушала их разговор через забор.

— Ты сама Ди видела?

— Нет.

— А остальные?

Скарлетт покачала головой и отвернулась. Она не любила, когда её начинали допрашивать. Я тоже не любила. Но мне вдруг стало важно узнать хоть что-то.

— Она же с рабочей одеждой ушла, — тихо сказала Эн. — Наверное, правда ограждение делали.

— Ночью? — спросила я.

— Они и днём там работали. Может, что-то доделывали.

— В три ночи?

Эн посмотрела на меня, и я поняла, что вопрос бессмысленный. Диана ушла задолго до трёх. И если мы не знаем, где она сейчас, от наших предположений ничего не изменится.

Я решила, что утром найду способ выяснить. Сейчас надо было хотя бы понять, что происходит в нашем собственном отряде.

04:02.

Мы поделились на два лагеря. Никто, конечно, не проводил голосование и не вешал таблички. Просто одни сидели возле главного выхода, собираясь при первой возможности идти на фабрику, а вторые двигали к запасной двери тумбы.

— Нельзя её совсем заставлять! — возмущалась Эн. — Если придёт инспектор, как мы откроем?

— Инспектору мы сами откроем, если он назовётся, — сказала Мая. — А пока не будем делать вид, что там всё нормально.

— И вообще мебель казенная, — вставила Стеф по привычке.

На неё посмотрели сразу несколько человек.

— Да знаю я! — всплеснула она руками. — Двигайте уже.

Тумбы скребли по полу, женщины ругались, кому куда ставить ноги. Я держала свечу, пока Мая с Еленой разворачивали тяжёлый стол. К ножке прилип кусочек вчерашней каши. Меня вдруг так передёрнуло от этой каши, будто из-за неё всё и происходило.

В обычный день в отряде нельзя просто взять и переставить мебель. Перед проверкой мы по двадцать минут расставляли кружки на полках, чтобы всё было «по образцу». Сейчас стол стоял поперёк прохода, перекрывая подход к запасной двери. И никто даже не вспомнил про образец.

Стеф велела не запирать выходы окончательно. Если придёт подтверждённый приказ на эвакуацию, нам надо будет выбраться самим. Это была первая разумная мысль за последний час.

В чаепитке Кристина организовала сбор воды. У нас были кружки, чайники, пара пустых пятилитровых бутылок из-под покупной воды и ещё несколько ёмкостей, которые лучше было сначала хорошо отмыть. Напор из крана стал слабым, но вода пока шла.

— Набирайте сейчас, — сказала Крис. — Потом будете друг у друга последние глотки выпрашивать.

— А ты с чего взяла, что её отключат? — спросила Нэнси.

— Ни с чего. Поэтому и набираем.

Я сходила за своей бутылкой. Попутно нашла второй тапочек под шконкой, куда его, видимо, отшвырнула, когда вскочила. Хоть одна проблема решилась.

Лиза с ещё тремя женщинами продолжала стоять у главного входа. Они требовали, чтобы Стеф хотя бы выпустила их в локалку. Не на фабрику, так посмотреть, что снаружи.

— А если там наши девочки? — кричала Лиза. — Они будут знать, что мы здесь!

— Они и так знают, где наш отряд, — ответила Стеф.

— Значит, ты решила за нас всех?

— Я выполняю распоряжение!

— А мы здесь люди или мебель?

На последнем слове кто-то невольно посмотрел на передвинутые тумбы, и Нэнси приснула. Никто больше не засмеялся.

04:24.

У запасной двери опять раздался звук. Не удары. Скорее кто-то задел металл с той стороны и медленно провёл по нему чем-то твёрдым.

Мы замолчали.

— Кто там? — выкрикнула Стеф.

Тишина.

— Сотрудник? Назовитесь!

В ответ — короткий стук, затем ещё один, чуть ниже первого. Я даже задержала дыхание. Не знаю, чего ждала. Что незнакомка снова попросит помощи? Что кто-нибудь крикнет фамилию и начнёт возмущаться, почему мы закрылись?

Вместо этого с лестницы донеслись шаги. Они удалились и стихли.

— Может, кто-то ранен, — сказала Эн.

— Мы же не знаем, кто это, — ответила я.

— Ты всегда так будешь говорить?

Я повернулась к ней.

— А что мне сказать? Давай откроем и посмотрим? Если там сотрудник, он только что приказал нам не открывать без подтверждения. Если не сотрудник — тем более.

— То есть вообще никому не поможем?

— Я не это сказала.

— А получилось именно это.

Кристина положила руку Эн на плечо.

— Я понимаю тебя. Но крик уже давно прекратился. Мы не знаем, что с этой женщиной. Не надо сейчас лезть туда по одной.

Эн отошла. Я осталась стоять возле стола, прислушиваясь к собственному сердцу. Меня разозлило, что Эн увидела во мне какого-то бессердечного человека. Ещё больше разозлило, что я сама не была уверена, не права ли она.

Я правда оставила эту дверь незапертой перед сном. Для ночного обхода. Потом задвинула засов у неё перед носом — перед носом у женщины, которой нужна была помощь. И сейчас не могла придумать для себя оправдание получше, чем «неизвестно, что там». Может, она стояла в двух шагах и успела бы проскочить. Может, её уже кто-то держал за руку. А может, за дверью вообще было совсем не то, что я представляла.

В тюрьме очень быстро учишься делать вид, что чужие проблемы тебя не касаются. Не потому, что тебе плевать. Просто каждый раз, когда пытаешься помочь, можно получить неприятности вместе с тем, кому помогала. Но эта женщина даже не была нашей. Я не знала, кто она. И всё равно теперь слышала её крик, хотя за дверью уже стало тихо.

04:47.

Первый хлопок раздался где-то далеко, за административными зданиями. Я бы не обратила на него внимания, если бы за ним почти сразу не прозвучал второй.

— Выстрелы, — сказала Мая.

— Ты уверена? — спросила Елена.

— Нет. Но похоже.

Мы потянулись к окнам, хотя смотреть было не на что. Свет на территории по-прежнему не горел. Из нашего окна был виден кусок плаца, часть административного корпуса и проход между зданиями. Дальше всё тонуло в темноте.

Раздался крик. Женский или мужской — не разобрала. Потом кто-то громко выругался. Звякнул металл. Вдалеке забарабанили, будто чем-то били по железным воротам.

— Бунт, — уверенно сказала Лиза. — Я сразу говорила.

— У кого бунт? — спросила я.

— У карантина. У кого ещё?

Я вспомнила вчерашние разговоры о больных новеньких. Большой этап, восемнадцать человек. Кто-то лежал с температурой, приезжала скорая. Потом нас неожиданно заперли в отрядах и отменили работу. При желании из этого можно было сложить любую историю. Но ни одна не объясняла, почему нас оставили без света и связи.

— А если это побег? — спросила Мэди.

— Куда они побегут? — Нэнси махнула рукой на окна. — Тут и днём заборы не перепрыгнешь.

— Ну, значит, кто-то пытается.

— Пусть пытается. Лишь бы к нам не ломился.

05:03.

Издали послышался двигатель. Кто-то выкрикнул: «Машина!» Мы прижались к стёклам, толкая друг друга локтями. По стене административного корпуса скользнули фары. Самой машины видно не было — только свет на белой штукатурке и кусок крыши, когда она проехала мимо прохода.

— Сейчас приедут, — сказала Стеф. — Значит, транспорт есть.

Я очень хотела спросить, откуда ей известно, что машина едет к нам. Но промолчала.

Фары остановились. Несколько секунд мы слышали работающий двигатель. Потом он заглох. Свет погас, и двор снова стал тёмным.

— Может, скорая? — спросила Нора.

— На скорой маяки были бы, — ответила Мая.

— Не обязательно включать их всю дорогу.

Лиза снова подняла вопрос о фабрике.

— Мы до утра так просидим, а там люди. Я не понимаю, чего вы ждёте.

— А я не понимаю, чего ты добиваешься, — устало сказала Мая. — Дверь есть. За ней локалка. Потом ещё ворота, потом проход до промки. По пути ни одного сотрудника ты не видела. Куда побежишь?

— Ты меня не учи. Я там каждый день хожу.

— Со строем и сопровождением. Не сама.

— Вот именно! Вечно нам не дают никуда выйти. Даже когда свои там остались.

— Девочки, хватит, — сказала Кристина. — Давайте договоримся, что до рассвета никто не выходит. Тогда хотя бы видно будет, куда идти.

— И что нам даст рассвет? — спросила Лиза.

— Хоть ямы под ногами увидишь, — ответила Нэнси.

Это был, пожалуй, единственный аргумент, с которым никто не стал спорить.

Я попробовала представить себе это место. Вчера Ди показывала руки, изрезанные колючкой. Говорила, что они целый день что-то укрепляли, хотя этим должны заниматься не заключённые. И вот их опять послали. Может, обнаружили дырку в ограждении? Может, ждали побега? Тогда почему никто не объяснил нам даже этого?

Только Ди так и не вернулась.

05:21.

Светать начинало медленно. Сначала я заметила, что вижу собственные пальцы на подоконнике. Потом проявились серые стены зданий и дорожка между ними. Ни одного сотрудника на плацу не было. Обычно по утрам слышно всё сразу: двери, команды, стук каблучков, чьи-то ругательства, смех из соседнего отряда. Даже когда мы спали до десяти, колония уже давно жила своим распорядком. Сейчас было тихо.

— Может, отменили все мероприятия? — спросила Мэди.

— Мне бы кто вчера сказал, что я буду хотеть на зарядку, — ответила Эн.

— Я и сейчас не хочу, — сказала Нэнси. — Но если позовут, выйду без разговоров.

Стеф попыталась позвонить ещё раз. Без толку. Потом подошла к главной двери и громко постучала изнутри. Никто не ответил. Она подождала и постучала снова.

— Вы же сами сказали не открывать, — напомнила Мая.

— Я не открываю. Я хочу, чтобы кто-нибудь подошёл.

Не подошёл никто.

Две женщины начали собираться. Натянули куртки, перевязали косынки, сложили в карманы сигареты. Я смотрела на них и понимала, что если кто-то сейчас всё-таки откроет дверь, половина отряда рванёт за ними. Не потому, что у них есть план. Просто сидеть и ждать стало невыносимо.

— После рассвета, — сказала Лиза, заметив мой взгляд. — Мы обещали. Вот рассвет.

— Стеф ещё ничего не разрешала.

— Стеф и не разрешит.

Я не стала отвечать. В общем-то, она была права.

Кристина усадила меня рядом и сунула кусок хлеба. Я отломила немного, прожевала без аппетита. Хлеб был сухой, а чай — давно холодный. Спросить, когда будет завтрак, казалось издевательством. Хотя я была уверена, что кто-нибудь всё равно спросит.

— Лив, — тихо сказала Эн. — Ди искать пойдём вместе.

— Да.

— И фабрику надо проверить. Там же наши.

— Надо. Только я не хочу, чтобы мы сейчас вышли и сами пропали.

— Я тоже не хочу.

Она взяла мой сухой кусок хлеба и доела его. Я почему-то успокоилась именно после этого. Если Эн уже таскала у меня еду, значит, мы хотя бы не поссорились окончательно.

05:39.

Нора позвала меня к дальнему окну. Оно выходило под другим углом, и если встать на носки, можно было увидеть участок дороги за внешним ограждением. Обычно там ничего интересного не происходило. Иногда проезжали машины. И проходили случайные люди по своим делам без строя и без разрешения.

— Что? — спросила я.

— Там кто-то бежит.

Сначала я увидела только движение. Потом мужчина вышел из-за дерева и побежал вдоль сетки. Он был далеко, поэтому лица я не различала. Светлая рубашка, тёмные брюки. Он метался туда-сюда, словно искал калитку, но при этом ни разу не попытался побежать дальше по дороге. Несколько раз хватался за ограждение, отскакивал и снова возвращался.

— Может, пьяный, — предположила я.

— Пьяные обычно домой идут, — сказала Нора.

Мужчина вцепился в сетку и начал карабкаться. Нога соскользнула — он упал на колени. Я уже решила, что сейчас он отступит, но тот тут же поднялся и полез снова.

— Девочки, сюда! — позвала я.

К окну подошли Эн, Кристина, Мая. За ними начали собираться остальные, и мне пришлось отойти чуть в сторону, чтобы никто не прижал меня к стеклу.

— Чего он лезет к нам? — спросила Нэнси.

— Может, от кого-то убегает, — ответила Эн.

Я посмотрела на дорогу. За мужчиной никто не бежал. Может, кто-то был дальше, за деревьями, но отсюда не было видно.

Из-за угла появился сотрудник с оружием. За ним — второй. Один остановился возле прохода, другой подошёл ближе к забору и что-то крикнул мужчине. Мы не слышали слов. Он показал рукой вниз, потом в сторону дороги. Мужчина даже головы не повернул. Продолжал карабкаться, обдирая ладони о сетку.

Раздался выстрел.

Я вздрогнула и невольно пригнулась. Когда посмотрела снова, мужчина лежал у забора. Один из сотрудников держал оружие направленным в его сторону.

— Господи, — прошептала Эн. — Он же просто перелезть хотел.

— Он не слушал команды, — ответила Мая, хотя голос у неё тоже был странный.

Мужчина пошевелился. Сначала я решила, что он перекачивается на бок от боли. Но он поднялся на четвереньки, потом встал. Накренился вперёд, чуть не упал и опять схватился за сетку.

— Не попали, — сказала кто-то за моей спиной.

Мне тоже хотелось так подумать.

Сотрудники снова начали стрелять. Мужчину дёрнуло, он сорвался с сетки и упал, но почти сразу попытался встать. Один охранник отступил. Второй продолжал стрелять. Я уже не могла разобрать, какой звук шёл от какого оружия, только видела, как мужчина раз за разом тянется к ограждению.

— Да что он творит? — выдохнула Нэнси.

Никто ей не ответил.

Прогремела ещё серия выстрелов. Мужчина осел возле забора, шевельнул рукой, попытался подтянуть к себе ногу. Потом перестал двигаться.

Двое сотрудников не спешили к нему. Один держал оружие наготове, другой оглядывался по дороге. Они стояли так ещё какое-то время, пока мы молча смотрели на них из окна.

— Он под наркотиками, что ли? — спросила Мэди.

— Не знаю, — сказала я.

С такого расстояния нельзя было увидеть кровь или понять, куда попали. Я не знала, сколько раз в него выстрелили. Но я видела, что после первых выстрелов он встал, а потом

пытался подниматься снова. И сотрудники тоже это видели. Почему же они не подошли сразу? Почему продолжали держать оружие на нём, даже когда он уже лежал неподвижно?

Всю жизнь я думала, что ограждение здесь нужно, чтобы такие, как мы, не вышли наружу. Сейчас за ним лежал человек, который пытался попасть внутрь, а сотрудники стреляли, лишь бы он этого не сделал.

— Что там? — закричали из глубины секции. — Дайте посмотреть!

Я отошла от окна. Меня вдруг затошнило. Возможно, от голода. Или от того, что я только что увидела, как на моих глазах расстреляли человека, а я даже не могла решить, что меня напугало больше — выстрелы или то, что было между ними.

05:52.

Сначала раздался стук в главную дверь. Мы все повернулись, но никто не двинулся с места. Стеф взяла свечу, хотя она уже почти не была нужна, и подошла к выходу.

— Кто там?

— Стеф! Открой! Это я!

Женский голос был знакомым. Очень знакомым. Несколько секунд я не могла вспомнить, кому он принадлежит.

— Назовись! — крикнула Мая.

— Марго! Да Марго! Откройте, блять, я одна!

Я с Эн переглянулась. Марго ушла вчера с Дианой. Они обе были в хозотряде.

— Где Диана? — выкрикнула я раньше, чем успела подумать.

— Открой сначала!

Стеф замерла перед дверью. С другого конца секции уже кричали, чтобы не открывала. Эн бросилась вперед. Мая перегородила ей путь рукой.

— Сначала посмотрите, кто там, — сказала она Стеф.

Через боковое окно было видно только кусок крыльца. Я встала на подоконник, прижалась щекой к стеклу и увидела знакомую каштановую стрижку. Марго стояла, согнувшись, и держала одну руку у груди. Куртка была грязной, юбка разорвана на колене. Она подняла голову и увидела меня.

— Лив! Ну скажи им!

— Это она, — выдохнула я. — Это Марго.

— Одна? — спросила Мая.

Я осмотрела двор, насколько позволял обзор. Возле крыльца никого не было.

— Она одна.

Мая отодвинула одну из тумб, Стеф отперла дверь. Марго почти ввалилась в секцию. Эн подхватила её под руку и повела к ближайшей шконке. Марго тяжело дышала и никак не могла перестать оглядываться.

— Воды, — попросила она.

Кристина протянула кружку. Марго сделала несколько больших глотков, закашлялась и утерла рот рукавом.

— Что там? — посыпалось со всех сторон. — Где сотрудники? А фабрика? Кто стрелял? Где хозотряд?

— Не все сразу! — крикнула Мая.

Я села перед Марго на корточки.

— Где Ди?

Она посмотрела на меня. Потом на Эн. И отвела глаза.

— Мы были у ограждения, — сказала Марго. — Сначала все вместе. Потом нас разделили. Нас с ней отправили к проходу возле санчасти. Там что-то случилось в карантине. Люди кричали, сотрудники бегали. Нам сказали стоять у калитки и никуда не отходить.

— И?

— Потом из того прохода выбежала женщина. Она вся была в крови. За ней сотрудник, тоже в крови. Он орал, чтобы мы закрывали калитку. Ди её закрыла, а меня вытолкнула в сторону жилки.

— Диана осталась там?

Марго кивнула. Я почувствовала, как в груди всё сжалось.

— Почему ты её не забрала?

— Я пыталась! — Она вдруг сорвалась на крик. — Я за ней пошла, а она мне: «Беги к отряду!» Там уже стреляли. Кто-то ломился в проход. Я не могла туда вернуться! Я даже не знала, куда бежать, всё закрыто было!

Кристина осторожно взяла меня за плечо. Я сбросила её руку, даже не подумав. Мне нужно было знать одно.

— Ты видела, что с ней случилось?

— Нет. Я видела, как она закрыла калитку. Потом за ней побежал сотрудник. И всё. Я больше её не видела.

— А фабрика? — тихо спросила Лиза.

Марго подняла голову. В её глазах стояли слёзы.

— На фабрике люди есть. Их не вывели. Я слышала, как они стучали из цеха, когда пробегала мимо. А охранник... — Она сглотнула. — Он сказал, чтобы к карантину никто не подходил. Там люди бросаются на людей. Он сам не понимал, что с ними.

— В смысле бросаются? — спросила Стеф.

— Не знаю я! Я не знаю! — Марго прижала ладони к лицу. — Я просто хотела вернуться сюда.

Женщины заговорили одновременно. Кто-то требовал закрыть все окна. Кто-то говорил, что нужно идти в дежурку и требовать вывести людей с фабрики. Стеф пыталась перекричать их, но её уже никто не слушал.

Я смотрела на Марго. У неё дрожали руки. На куртке засохла грязь. Она вернулась. Значит, от прохода возле санчасти до нашего отряда ещё можно было добраться.

— Лив, — сказала Эн и присела рядом. — Она сказала, что Ди закрыла калитку. А не что с ней что-то случилось.

Я кивнула. Наверное, она хотела меня успокоить. Но теперь я точно знала, где подруга была в последний раз. И знала, что мы не сможем просто просидеть здесь весь день, пока кто-нибудь соизволит объяснить, что происходит.

Марго продолжала плакать. Мая требовала от всех отойти и дать ей прийти в себя. За окном наступало обычное весеннее утро, и от этого всё казалось ещё более неправильным.

Сегодня Диане разрешили поспать до десяти. Я посмотрела на пустое место, где она обычно сидела за чаем, и поняла, что ждать до десяти мне будет очень трудно.

Глава 3. Знак

05:58.

— Так мы и будем сидеть? — спросила Лиза.

Марго всё ещё сидела на краю шконки. Кристина принесла ей вторую кружку воды, но та только держала её в руках и смотрела на пол. Мы уже, наверное, раз десять спрашивали, куда делась Диана. И все десять раз получили один ответ: Марго видела, как Ди закрыла калитку, а потом потеряла её из виду.

Лиза стояла посреди прохода в куртке, которую успела надеть ещё до рассвета. Рядом с ней собрались женщины, у которых на фабрике остались подруги и родственницы. Остальные сидели возле шконок, у окон или в чаепитке. Кто-то хотел дождаться сотрудников, кто-то предлагал опять позвонить в дежурку, а кто-то уже открыто говорил, что выйдет, даже если Стеф запретит.

— Я спрашиваю, мы сколько сидеть будем? — повторила Лиза. — До обеда? До завтра? Пока там все передохнут?

— Не ори, — отозвалась Нэнси. — Мы тебя и так слышим.

— А ты мне рот не закрывай. У меня сестра на швейке!

— У меня там тоже люди, — сказала Мая. — Только если мы сейчас всей толпой вывалимся в локалку, лучше никому не станет.

— Тебе легко говорить. Ты здесь.

— Я вчера в два вышла. И не знала, что кого-то там оставят. Если хочешь предъявить мне за это — давай сразу.

Я стояла возле Марго. Она подняла голову, услышав спор, и опять опустила. На подоле куртки засохла грязь. Я хотела спросить, не болит ли у неё что-нибудь, но мы уже так достали её вопросами, что решила промолчать.

— Где ты стояла, когда Ди закрывала калитку? — всё-таки спросила я.

Марго медленно подняла руку и показала куда-то в сторону стены.

— Возле прохода. У санчасти. Я же говорила.

— Я поняла. В саму санчасть вы заходили?

— Нет. Нас оставили у калитки. Потом начался хаос. Лив, я не знаю, куда она побежала.

— Я не это спрашиваю.

— А я уже не понимаю, что ты спрашиваешь!

Она сорвалась на последних словах и тут же отвернулась. Эн присела рядом с ней.

— Всё, не трогай её пока. Ей и так плохо.

Я отошла. Не хотела срываться на Марго. Она хотя бы вернулась и рассказала, что смогла. Но мне казалось: если задать правильный вопрос, из её памяти обязательно вывалится какая-нибудь мелочь, которая объяснит, где Диана. Должна же быть такая мелочь.

— Я в санчасть пойду, — сказала я.

Кристина слышала. Она уже стояла за моей спиной.

— Одна не пойдёшь.

— Я не сказала, что одна.

— Сначала вообще узнай, выпустят ли вас.

— А если не выпустят? Будем сидеть до десяти? Ди как раз разрешили до десяти поспать. Только вот где ей спать, никто не знает.

Я сказала это гораздо злее, чем собиралась. Кристина посмотрела на меня, но отвечать не стала.

Стеф хлопнула ладонью по столу.

— Девочки! У меня распоряжение дежурной части. Отряд не покидать. Всё. Не нравится — придут сотрудники, им и высказывайте.

— Да они не приходят! — выкрикнула женщина из дальнего прохода. — Ты сама недавно в дверь стучала!

— Придут, когда смогут.

— А ты откуда знаешь, что смогут?

В обычное утро за такой разговор уже записывали бы фамилии. Сейчас Стеф даже ручку не достала.

— Послушайте, — сказала Мая. — Мы не предлагаем открывать ворота и отпускать всех гулять. Четыре человека сходят к санчасти. Проверят, что там. Если найдём Диану или кого-то ещё, вернёмся и скажем. Если нет — тоже скажем.

— А почему именно ты решаешь, кто пойдёт? — спросила Лиза.

— Не решаю. Предлагаю. Хочешь — иди вместо меня.

Лиза открыла рот, потом посмотрела на Марго и промолчала. На словах вызваться было проще, чем действительно пойти.

— Я пойду, — сказала Эн.

— Я тоже, — наконец произнесла Марго.

Мы все повернулись к ней.

— Не надо, — сказала я. — Ты еле сидишь.

— Я знаю дорогу.

— Мы тоже знаем, где санчасть.

— Не ту дорогу. Где Ди осталась. Там проход за зданием, вы можете не туда свернуть. Я покажу и обратно пойду, если хотите.

У Марго дрожали пальцы. Кружка стукнула о металлическую спинку кровати. Я забрала её, поставила на тумбу.

— Ты уверена?

— Нет, — ответила она. — Но всё равно пойду.

06:14.

Стеф и Мая отошли к главному выходу. Я слышала не весь разговор, только отдельные слова: «четверо», «ответственность», «обратно», «дежурка». Стеф несколько раз качала головой. Мая стояла перед ней, скрестив руки, и не отступала.

Я тем временем сходила в раздевалку и нашла свои ботинки, но один шнурок опять затянулся намертво. Пришлось развязывать его ногтями.

Эн принесла мне куртку.

— Твою на спинке оставила. Я подумала, ты забудешь.

— Не забуду.

— Ты уже один раз вышла без обуви.

— Ты мне теперь всю жизнь это вспоминать будешь?

— По обстоятельствам.

Я застегнула куртку. В кармане лежали пачка с двумя сигаретами и зажигалка. Сигареты так и не выкурила вчера. Захотелось оставить их возле шконки: если нас поймают на территории, лишняя зажигалка в кармане тоже может превратиться в проблему. Потом подумала, что я вообще-то собираюсь искать пропавшую подругу в колонии, где стреляют, и оставила всё как есть.

Кристина сунула мне яблоко и пару конфет.

— Съешь по дороге.

— Я вчера ела.

— Я помню, когда ты ела. Возьми.

— Крис, ну ты как моя мать.

— Вот и не позорь меня. Вернись нормально.

Она приобняла меня за плечи. Хотела, наверное, сказать ещё что-то, но вокруг было столько народа, что мы обе ограничились этим.

Марго уже стояла у выхода. Она натянула косынку слишком низко, почти до бровей, хотя проверять форму сейчас было некому. Мая заметила, как она переминается с ноги на ногу.

— Если совсем плохо, оставайся, — сказала она. — Не надо геройствовать.

— Мне нормально.

— Я видела, как тебе нормально. Дойдём до прохода — покажешь и решим дальше.

— Хорошо.

Мая вернулась к Стеф. Та достала ключи.

— Я никого никуда не отпускала, — сказала она достаточно громко, чтобы слышали и мы, и половина секции. — Вы сами решили. Если вас остановят, меня не впутывать.

— Не впутаем, — ответила Мая.

— Через час чтобы вернулись. И не вздумайте в карантин лезть.

— Мы в санчасть.

— Я слышала, куда вы. Про карантин отдельно говорю.

Лиза тут же подалась вперёд.

— А на фабрику когда?

— Когда вернёмся, тогда и будем разговаривать, — отрезала Мая.

— Конечно. Вечно сначала чужие дела.

— Там не чужие, — сказала Эн. — Там Диана.

Стеф приоткрыла главную дверь. На улице было светло и холодно. Она выглянула, задержалась на несколько секунд, потом кивнула нам.

— Быстро. И назад сюда. Я больше никому открывать не стану.

Мы вышли по одной. За спиной щёлкнул замок.

Странно было слышать этот звук снаружи.

06:27.

Локалка была пустая. Ещё вчера в это время нас бы уже вывели на зарядку, кто-то тащил бы ложку в кармане, кто-то пытался покурить за углом до построения. Сейчас только ветер гонял по дорожке обрывок бумаги.

— Идём вдоль стены, — сказала Мая. — Не растягиваться.

— Мы что, на выводе? — спросила Эн.

— Нет. Поэтому тем более рядом держись.

Мы прошли вдоль здания четвёртого отряда. Я на секунду обернулась. В окнах стояли женщины. Смотрели на нас так, будто мы уходили не к санчасти, а за пределы колонии. Я заметила Кристину и показала ей большой палец. Она не улыбнулась.

Я знала здесь почти каждый угол. Где можно срезать дорогу, где надзорка обычно смотрит в окно, где после дождя собирается вода и лучше не наступать. Три года каждый день ходишь по одним и тем же дорожкам, а всё равно всегда с кем-то, кто разрешает тебе идти. Сейчас никто не командовал «быстрее» и не строил по двое или по пять. Можно было остановиться хоть посреди плаца. Только мне совсем не хотелось.

Из-за административного корпуса донеслась короткая очередь. Марго вцепилась в рукав Эн.

— Это оттуда? — спросила она.

— Не знаю, — ответила Мая. — Идём.

Через минуту послышалось ещё несколько выстрелов. Звук шёл со стороны внешнего периметра. Я вспомнила мужчину, которого мы видели из окна. И сотрудников, которые так и не подошли к нему, даже когда он перестал двигаться.

— Они всю ночь там стреляют, — сказала Эн. — У них патронов-то хватит?

— Ты у меня спрашиваешь? — Мая обернулась.

— Просто сказала.

— Ну вот и не надо пока ничего говорить.

Эн закатила глаза, но больше не спорила.

Возле соседнего здания мы остановились. Впереди тянулся открытый участок дорожки. По другую сторону виднелось карантинное отделение. Раньше я часто проходила здесь и даже не смотрела на него. Теперь сама не могла отвести взгляд.

Окна, выходившие на нашу сторону, были заляпаны чем-то тёмным. Не все — два или три. Одно особенно сильно, будто по стеклу размазали грязь ладонями. На солнце пятна отливали бурым. Издалека я не могла понять, что это.

— Что за хуйня? — тихо спросила Эн.

— Не подходите, — сказала Марго так резко, что мы обернулись.

— Мы и не собирались, — ответила Мая.

Марго смотрела на окна. Её губы побелели.

— Там вчера люди бегали, — проговорила она. — Я не видела, кто именно. Сначала орали изнутри, потом дверь хлопала. Не идите туда.

Я положила руку ей на плечо.

— Нам в другую сторону.

— Я знаю.

Но она ещё несколько секунд стояла, прежде чем смогла сдвинуться с места.

В одном из окон административного здания мелькнула фигура. Мы одновременно пригнулись, хотя, если человек нас видел, было уже поздно.

— Может, сотрудник, — прошептала Эн.

— Тут других не водится, — ответила Мая. — Пошли, пока он не вышел.

Мы быстро перешли открытый участок и прижались к стене следующего здания. Марго зацепилась ботинком за выступ бордюра. Я успела схватить её под руку.

— Ты как?

— Нормально.

— Если закружится голова, скажи.

— Да не кружится у меня ничего! Просто не смотрела под ноги.

Я отпустила её. Она уже злилась, когда мы спрашивали о самочувствии. Значит, хоть немного пришла в себя.

06:39.

Калитка оказалась закрытой. Не той, возле которой Марго рассталась с Дианой, а ещё одной, на пути между локальными участками. Её держал магнитный замок. Маленький красный огонёк горел возле коробки под козырьком.

— Вот тебе и электричество, — сказала Эн. — У нас в отряде света нет, а эта хрень работает.

— Резервное питание, — ответила Мая. — Долго оно тоже не протянет.

Я дёрнула ручку. Калитка даже не шелохнулась. Мая проверила нижний край, посмотрела на крепление сверху.

— Может, кнопка с нашей стороны есть? — спросила я.

— Была бы — мы бы уже вышли. С этой стороны только сотрудник открывает.

— Обойти можно? — спросила Эн.

— Можно через дежурку, — сказала Марго.

— Ага, — ответила Мая. — Придём и скажем: здравствуйте, мы тут немножко нарушаем ваш прямой приказ, откройте, пожалуйста.

Эн коротко хмыкнула. Я бы тоже засмеялась, если бы за внешней опять не начали стрелять.

Мая присела возле калитки, провела пальцами по металлической планке, к которой крепилась ответная пластина. Один угол немного отходил от рамы.

— Её уже когда-то ремонтировали, — сказала она. — Смотрите, болт ходит.

— И что?

— Если сильно ударить, может, крепление вырвет.

— А если нет? — спросила я.

— Тогда будем думать.

— Давай хоть что-нибудь подложим, — сказала Эн. — Ты себе плечо снесёшь.

— Не учи меня. Отойдите.

Мая отступила несколько шагов. Я успела подумать, что сейчас она передумает. Она была крепкая, но всё-таки не железная. Потом она разбежалась и ударила плечом чуть ниже замка.

Грохот вышел такой, что я присела. Металл скрежетнул, калитка отскочила в сторону, с верхнего крепления посыпалась краска. Мая отлетела назад и ухватилась за стойку.

— Блять! — прошипела она.

— Ты целая? — Эн подскочила к ней.

— Дай минуту.

Калитка стояла приоткрытой. Пластина висела на одном креплении, магнит ещё держал её за край, но рама погнулась и уже не сходилась как надо.

— Слышали? — прошептала Марго.

— Тут даже мёртвые услышали, — сказала я.

Где-то хлопнула дверь. Мы присели за бетонный выступ. Несколько секунд ничего не происходило. Потом вдалеке кто-то крикнул, но слов мы не разобрали.

— Всё, идём, — сказала Мая. — Иначе я зря плечо отбила.

Она придержала калитку. Мы проскочили на другую сторону и прикрыли её за собой. Нормально закрыться она уже не могла. Между рамой и стойкой осталась щель.

— Обратно здесь пойдём? — спросила Эн.

— Если раньше нас не найдут, — ответила Мая.

06:51.

За санчастью был узкий проход. Отсюда окна нашего отряда уже не было видно, и это оказалось неприятнее, чем я думала. До сих пор где-то рядом оставалась секция, в которой нас ждали. Теперь между нами были здания, ворота и та калитка, которую мы только что выломали.

Марго остановилась возле небольшого крыльца.

— Здесь, — сказала она.

— Где именно?

— Вот калитка. Ди её закрыла. Меня туда толкнула, к жилке. А сама осталась с этой стороны.

Она показала рукой. Потом прошла несколько шагов и вернулась.

— Нет. Я стояла вот здесь. Сотрудник выбежал оттуда. За ним женщина, вся в крови. Или сначала женщина... Я уже не помню.

— Не торопись, — сказала Мая.

Марго закрыла глаза, как будто можно было прокрутить ночь обратно и посмотреть нужный момент ещё раз.

— Он кричал, чтобы закрывали. Ди успела. Я за неё схватилась, а она меня оттолкнула и сказала бежать. Дальше я слышала выстрелы. И всё. Я правда не видела, куда она пошла.

Я подошла к калитке. На нижней перекладине застрял кусочек зелёной ткани. Не знаю, чья это была ткань. Здесь все ходили в одинаковом. Рядом на бетоне тянулось тёмное пятно. Я не стала его трогать.

— Ди! — позвала я негромко.

Мая сразу повернулась.

— Тише.

— А как мы её найдём? Шёпотом?

Я подождала ответа. Его не было. Позвала ещё раз, уже громче. Никто не отозвался.

Эн прошла вдоль стены, заглянула за угол. Марго осталась возле калитки и следила за проходом, откуда мы пришли. Я посмотрела на закрытую дверь санчасти.

— Может, они внутри, — сказала я.

— Может. Давайте только сначала проверим входы, — ответила Мая.

На крыльце было несколько влажных следов. Разобрать, чьи они, было невозможно: после ночи здесь ходили и сотрудники, и заключённые. Ручка двери поддавалась. Она оказалась не заперта.

— Ну, прекрасно, — пробормотала Эн. — Все двери открыты, а где надо — магнит держит.

Мы зашли.

07:00.

В коридоре пахло лекарствами и каким-то резким моющим средством. После ночи в отряде этот запах казался даже приятным. Свет не горел, но дневного света из окон хватало. На стойке лежали ручки, журнал, несколько чистых листов. Кто-то оставил пластиковую кружку с недопитым чаем.

— Девочки? — позвала я. — Есть кто?

Ответа не было.

Первые комнаты выглядели так, будто медсёстры просто вышли на пару минут. Кушетка с ровно натянутой простынёй. Коробка с одноразовыми масками. Шкаф, на котором стояла банка с ватой. На стене расписание приёма. Я увидела собственный отряд в списке и машинально начала искать, когда нам положено приходить. Три года читаешь любые бумажки, лишь бы понять, что тебе разрешено и в какое время.

Мая заглянула в шкаф и тут же закрыла.

— Не это, — сказала она себе под нос.

— Что ищешь? — спросила Эн.

— Потом.

Марго не отставала от нас. Она старалась идти посередине, не подходить первой ни к одной двери. Если мы останавливались, останавливалась и она.

Потом мы открыли следующую дверь.

Стул лежал на боку. У стены валялся металлический поднос, рядом — разбитая ампула и россыпь каких-то таблеток. На полу засохли тёмные пятна. Возле кушетки была смята простыня, и на ней тоже что-то бурое. Один шкаф стоял открытым, ящики были выдвинуты. На дверце осталась полоса, будто за неё хватались грязной рукой.

— Назад, — сказала Мая.

Мы остановились в дверях. Мне хотелось заглянуть дальше, но заходить внутрь совсем не хотелось. Эн прикрыла рот ладонью.

— Здесь кого-то лечили? — спросила она.

— Не похоже, — ответила я.

Я сама не знала, на что это было похоже. Я и раньше видела кровь в цеху: там постоянно прошивали пальцы иглой, однажды женщина серьёзно порезала ладонь, и весь стол был в крови. Тогда сразу было понятно, откуда она. Здесь же следы были в разных местах, а людей не было. И ни одного звука.

На полу возле двери лежала упаковка от бинта. Я обошла её, не наступая. Мая приподняла край простыни носком ботинка. Под ней ничего не оказалось.

— Может, они кого-то увезли, — сказала Эн.

— Может, — ответила я.

Это слово за ночь мне уже осточертело.

— Марго, ты сюда заходила? — спросила Мая.

— Нет. Я же говорила, нас у прохода поставили.

— Понятно.

Марго отвернулась к стене. Плечи у неё мелко подрагивали. Я подошла поближе.

— Если хочешь, посиди в коридоре. Мы быстро.

— Нет. Я с вами.

Она сказала это таким тоном, что я больше не предлагала.

07:11.

Я вернулась в коридор. От двери, ведущей к лестнице, тянуло холодом. На полу валялась оторванная пуговица. Я наклонилась, посмотрела — не наша, обычная белая. Рядом что-то зацепилось за ножку табурета.

Сначала я решила, что это бумажка. Потом увидела нагрудный знак.

Я подняла его. Один угол был порван, на другом торчала чёрная нитка. Прочитала фамилию, хотя уже знала, что там написано.

ДЭВИС ДИАНА.

Смешно, но я сразу вспомнила не вчерашние крики и не слова Марго, а то, как Ди стояла перед зеркалом и пыталась в третий раз пришить этот чёртов знак. Она не любила шить. Вообще не понимала, как мы целыми днями сидим за машинками. Пришивала кое-как, двумя стежками, а потом уголок опять отходил. Сколько раз я ей говорила: дай сюда, за минуту сделаю нормально. Она каждый раз обещала, что вечером принесёт.

Вот и принесла.

— Лив? — позвала Эн.

Я показала ей знак. Эн взяла его за край, разглядела фамилию.

— Это её?

— Да.

— Ты уверена?

— Я ей сама говорила, чтобы пришила нормально.

Мая подошла к нам и присела возле табурета. Осмотрела пол, дверной косяк, потом посмотрела на знак.

— Значит, была здесь.

— Мы и так знали, что была. Марго видела.

— Теперь точно знаем, что проходила возле этой двери. Это разные вещи.

— Может, через лестницу ушла? — спросила Эн.

— Куда? — Марго подошла ближе.

— Ну, есть же другие выходы.

— Есть. Но я не бывала там.

Я сунула знак во внутренний карман куртки. Ткань у самого шва была влажной, непонятно от чего. Вытерла пальцы о юбку.

— Проверим лестницу.

Мы поднялись на несколько ступенек. Выше была закрытая дверь, за ней ничего не слышалось. Мая дёрнула ручку, но дверь не открылась. Я ещё раз позвала Ди. Тихо. Возиться с очередным замком она не разрешила.

— Нам уже возвращаться надо. Стеф час дала.

— Мы десять минут здесь.

— А до отряда ещё идти.

Я посмотрела на часы. В самом деле, времени было немного. И всё равно уходить с одним куском ткани казалось каким-то издевательством.

— Я без неё не вернусь, — сказала я.

— Вернёшься, — ответила Мая. — А потом решим, куда идти дальше. Одной ты её тут не найдёшь.

Она сказала это негромко. Я хотела возразить, но Эн уже взяла меня за руку.

— Лив, мы вернёмся. Здесь никого нет.

Я выдернула руку, но спорить не стала.

07:19.

Мая опять свернула к кабинету, в который заглядывала по дороге. Открыла дверь и прошла за стойку. Я пошла следом.

— Нам же обратно надо.

— Две минуты.

— Что ты ищешь?

— Свои таблетки.

Она открыла нижний шкаф, перебрала подписанные коробки. Я увидела знакомые бумажные пакеты, в которых нам выдавали лекарства. Некоторые были подписаны по фамилиям. Мая нашла свой, достала блистер и посмотрела, сколько осталось.

— Антидепрессанты, — пояснила она, заметив мой взгляд. — Мне их поштучно выдают. У меня свои закончились.

— А попросить потом нельзя?

— Кого? Ты видела здесь хоть одну медсестру?

Я промолчала.

— Я вчера ещё должна была получить, — продолжила Мая. — Сказали прийти утром. Вот я и пришла.

Она положила свои таблетки в карман. Потом открыла другой шкаф, достала несколько упаковок обезболивающего, антисептик и перевязочные материалы.

— Стой, — сказала Эн. — Это ты уже не своё берёшь.

— Вижу.

— Мая, за такое злостное нарушение можно в карцер попасть?

— Знаю.

— И что?

— И ничего. Мне сейчас бинты нужнее, чем очередное объяснение начальнику отряда.

Она сунула упаковки в небольшой пакет и завернула его в кусок чистой ткани. Я смотрела, как она проверяет названия и сроки годности. Всё делала быстро, без суеты.

— Мы пришли за Дианой, — напомнила я.

— А Дианы здесь нет. Зато всё это через час могут запереть, и мы потом будем сидеть и просить по одной таблетке через дежурку. Если она ещё будет работать.

— Ты же сама только что сказала, что надо возвращаться.

— И возвращаемся. Подержи.

Она протянула мне пакет. Я не взяла.

— Нет уж. Это твоё решение.

— Хорошо.

Мая не обиделась. Положила пакет в свою куртку, поправила воротник, чтобы ничего не выпирало. Потом переложила пару упаковок в другое место.

— Не найдут? — спросила Эн.

— Я знаю, куда спрятать. И сомневаюсь, что в ближайшие дни будет шмон.

— Надеюсь, ты права, — сказала я.

— Я тоже.

Меня раздражало, что она не спорит и не оправдывается. Ещё вчера за лишнюю конфету на промке можно было получить нарушение. Сегодня мы стояли в пустой санчасти, а Мая набивала карманы лекарствами. И почему-то она выглядела самой разумной из нас.

— Давайте хоть журнал посмотрим, — сказала Эн. — Может, там написано, куда людей увезли.

Мы вернулись к стойке. Листы были исписаны фамилиями, датами и временем приёма. Последние записи обрывались на вчерашнем дне. Я нашла отметку о прибытии нескольких женщин из карантина, но разобрать, кто и куда их потом перевёл, не смогла. Чужой почерк вообще был похож на нитку, которую вытянули из шва: всё длинное, перепутанное, без начала и конца.

— Дальше не листай, — сказала Мая. — Времени нет.

Я положила журнал на место.

07:28.

Шаги мы слышали, когда уже собирались выходить из коридора. Сначала подумала, что звук идёт с улицы. Потом хлопнула входная дверь и зазвучали мужские голоса.

— Сюда, — шепнула Мая.

Мы быстро вернулись в кабинет. Дверь прикрыли, но не до конца. Из коридора было видно узкую полоску пола и часть стойки. Марго прижалась к стене. Я стояла рядом и чувствовала, как она дрожит. Эн осторожно взяла её за руку.

За стеной разговаривали двое. Один голос был незнакомый, второй я где-то слышала на проверках... Кто-то звякнул ключами, потом открыл металлический шкаф.

— Всё отсюда собирать? — спросил первый.

— Всё. Райд сказал, сначала медикаменты и перевязку.

Я посмотрела на Маю. Та едва заметно кивнула в сторону своего кармана.

— Блять, как чувствовала, — прошептала она. — Надо было больше брать.

Я приложила палец к губам.

— А для отрядов что оставляем? — спросил первый сотрудник.

— Будут выдавать через дежурку. Сейчас не до отдельных списков. Нам главное всё это в одно место убрать и под охрану поставить.

— Если дежурка вообще протянет до вечера.

— Не начинай. Я и так уже задержался на час после ночной смены.

Они прошли дальше по коридору. Зашуршали пакеты, что-то ударилось о стол. Я представила, как выносят шкафы с бинтами и лекарствами, а потом кто-нибудь придёт с температурой, порезанной рукой или просто за своей ежедневной таблеткой и упрётся в пустую комнату. Даже наш старый порядок с записями и очередями казался лучше этого.

— А тех, кто у прохода был, нашли? — спросил первый сотрудник.

Я перестала дышать.

— Кого именно?

— Ну, хозотряд. После ночной заварухи. У нас по списку людей не хватает.

— Нет. Один с поста говорил, видел несколько человек в зелёных робах возле хозяйственного прохода. В сторону промзоны двигались. Потом связь отрубилась. Может, туда ушли. Может, вообще не наши были.

— На промке ещё люди остались?

— Так вот именно, что там никто толком не отчитался. Мне сказали санчасть разгрузить. Вот я и разгружаю.

Я повернулась к Эн. Она уже смотрела на меня. Промзона. Фабрика. Конечно, это ещё ничего не доказывало, но у меня впервые с ночи появилось хоть какое-то направление, кроме «обойдём всё подряд и будем звать».

Марго открыла рот. Я испугалась, что она сейчас назовёт Диану, и наклонилась к ней.

— Тихо. Потом.

Она кивнула.

Сотрудники вышли из соседней комнаты. Судя по звуку, один тащил что-то тяжёлое. Второй остановился возле стойки.

— А тут уже кто-то шарил, — сказал он.

Мая мгновенно посмотрела на открытый шкаф в нашем кабинете. Дверцу мы закрыли, но пакет с её фамилией остался сдвинутым к краю полки.

— Может, медички до нас собирали, — ответил другой.

— Медички, ага. Дверь тут почему открыта?

Тень легла поперёк щели под нашей дверью. Марго вжалась спиной в стену. Эн сжала её пальцы. Я стояла возле шкафа и старалась даже курткой не шуршать.

Ручка повернулась.

Дверь распахнулась, и в проёме появился сотрудник с фонарём. Он сначала посмотрел на Маю, потом на остальных, будто пересчитывал.

— Какого хрена вы здесь делаете?

Никто не ответил. Мая медленно выпрямилась. Я почувствовала в кармане нагрудный знак Дианы и машинально прижала его ладонью.

Сотрудник перевёл взгляд на открытый шкаф.

— И что вы успели отсюда взять?

Глава 4. До особого распоряжения

07:29.

— И что вы успели отсюда взять?

Я посмотрела на Маю. Она стояла у шкафа совершенно спокойно, только левую руку держала как-то неестественно, прижимая локоть к боку. В кармане куртки у неё лежал пакет с лекарствами, и я вдруг отчётливо увидела, как сотрудник просит всех снять верхнюю одежду и вывернуть карманы. Даже стало жарко.

— Ничего мы не брали, — сказала Эн раньше, чем кто-нибудь из нас успел открыть рот. — Мы подругу ищем. Она вчера с хозотрядом ушла и не вернулась. Нам сказали, что её последний раз здесь видели.

— Я тебя не спрашивал, кого вы ищете. Отряд какой?

— Четвёртый.

— Фамилии.

Он достал из нагрудного кармана сложенный лист. Не блокнот даже, а какой-то обрывок ведомости. Под глазами залегли тёмные круги, на рукаве формы было пятно, которое он, видимо, пытался оттереть мокрой тряпкой. От сотрудника пахло сигаретами и давно остывшим кофе. Он записал «четвёртый» на полях и поднял голову.

— По одной. И без ваших концертов.

Мы назвали фамилии. Марго с первого раза не расслышали, пришлось повторять. Сотрудник раздражённо щёлкнул ручкой.

— Кто вас выпустил?

— Мы сами вышли, — ответила Мая.

— Сами? А ключи от отряда у вас тоже сами появились?

— Нам открыли дверь.

— Кто?

— Вы же знаете, кто ключи держит, — сказала Эн. — Слушайте, мы сюда не за таблетками пришли. У нас человек пропал, а вы тут фамилии записываете.

— У меня за ночь трое с постов не вышли на связь, — сказал он. — И мне теперь надо ещё четыре фамилии разыскивать по санчасти? Вам понятным языком было сказано сидеть в отряде?

— Было, — ответила Мая.

— Ну так какого хрена?

Из коридора заглянул второй. У него в руках была большая сумка с красным медицинским крестом, набитая так, что молния не сходилась.

— Что там у тебя?

— Четверо из жилки. Шкафы открыты. Говорят, подругу ищут.

— Обыскивай, тогда поймём, что ищут.

— Да посмотрите вы на нас, — вмешалась Эн. — Мы с утра бегаем, а вы как будто специально не слышите. Диана Дэвис. Хозотряд. Её здесь ночью оставили. Мы даже не знаем, живая она или нет.

— Отойди от шкафа, — сказал первый Мае.

Она сделала шаг. Не тот, которого от неё ждали: выставила вперёд левую ногу, словно собиралась закрыть проход, а правую руку осторожно опустила вдоль бедра. В другую сторону повернуться ей, кажется, было больно.

— Я здесь свои лекарства искала, — сказала она. — Мне их вчера должны были выдать. У меня назначение.

— А-а, вот уже и лекарства, — отозвался второй. — Только что ничего не брали.

— Она свои искала, — сказала Эн. — Вы сами собираетесь всё вывезти. Нам потом к кому за таблетками приходить?

— В дежурку. Вам объяснят.

— Там трубку не берут.

— Значит, позже объяснят!

Он произнёс это так громко, что у меня зазвенело в ушах. Марго вздрогнула.

— Так. Все в коридор. Быстро. Я сейчас вас здесь закрою до выяснения, а потом пусть ваши воспитатели вас и разбирают.

— Подождите, — сказала я.

Он уже повернулся к двери.

— Чего ещё?

Я достала из внутреннего кармана нагрудный знак. От волнения нитка зацепилась за подкладку, пришлось потянуть сильнее. Только бы не разорвать окончательно.

— Вот что мы нашли. Это Дианы. Возле лестницы лежало. Марго видела её у калитки, потом она исчезла. Вы знаете, куда могли отправить хозотряд?

Он взял знак двумя пальцами и прочитал. Задержался на фамилии. Я чуть не выхватила его обратно.

— Дэвис... Это та, которая в рабочем отряде?

— Да. Вчера вечером их всех вызвали. Она отсюда не вернулась.

— А где нашли, говоришь?

— У лестницы. Прямо на полу.

— Знак мне верните, пожалуйста, — сказала я.

Он отдал знак. Я сразу спрятала его обратно.

— Нам говорили, что кого-то видели у промзоны, — продолжила я. — Это наши были? Вы знаете?

— Кто вам говорил?

— Ваши сотрудники. Только что в коридоре.

Второй недовольно посмотрел на первого. Тот отмахнулся.

— Здесь никто не знает, кто куда ушёл. Не сочиняй себе лишнего. Я сейчас доложу, что вас нашёл, а дальше по распоряжению.

Он достал рацию. Несколько раз нажал кнопку. В ответ сначала треск, потом чужой голос, которого я не разобрала. Сотрудник назвал себя, место и фамилии. На четвёртой фамилии связь снова зашипела.

— Повтори, — сказал кто-то из рации.

— Четыре осуждённые из четвёртого. Самовольно проникли в санчасть. По их словам, искали женщину из хозотряда. В кабинетах были, в карантин не заходили, с их слов. У одной обнаружен нагрудный знак Дэвис.

Я не ожидала, что он так точно всё повторит. Даже захотелось поблагодарить. Но потом я услышала знакомый голос.

— Пострадавшие среди них есть?

Райд.

Все эти три года мне было достаточно слышать это имя где-нибудь в коридоре, чтобы заранее испортилось настроение. И сейчас, когда вокруг всё летело к чертям, он умудрился заговорить своим обычным тоном, словно у него там за столом лежит наша ведомость выходов на работу.

— Видимых нет, — ответил сотрудник. — Одной плохо, говорит, после ночи.

— В карантин заходили?

— Отрицают.

— Лично проверил?

— Они из жилого сектора прошли к санчасти. Карантинное отделение с другой стороны. Следов не вижу.

— Вопрос был другой. Ладно. Вернуть в отряд под сопровождением. Фамилии передать. Завхоз четвёртого и одна участница этой прогулки пусть явятся для объяснения. Остальным из отряда не выходить. Ты меня понял?

— Понял.

— И поторапливайтесь с санчастью. Без новых экскурсий.

Связь оборвалась.

— Ну что, — сказал сотрудник. — На выход.

Второй ещё раз оглядел шкаф. Я успела увидеть, как Мая поправила воротник и чуть сместила куртку, чтобы пакет не выделялся. Рука у неё дрогнула.

— Прошу прощения, — сказала Эн, — а нашу подругу кто искать будет?

— Не ко мне вопрос. Я вам сейчас до отряда отведу, а дальше топайте к остальным.

— Мы дорогу знаем.

— Что-то по вашему маршруту не скажешь.

Он махнул рукой, и мы пошли в коридор. Не обыскали. Я позволила себе нормально вдохнуть только у выхода. Мая даже не посмотрела на меня. И правильно: ещё не хватало нам начать радоваться прямо у сотрудников под носом.

07:52.

— Идём, — сказал сопровождающий. — Не растягиваться. До жилой калитки доведу, дальше сами. Мне назад надо.

Мы пошли вдоль стены. Он шёл первым, у него на поясе болтался фонарь, в руке была рация. Оружия я не видела, но теперь почему-то смотрела на каждого сотрудника и именно туда, где оно могло бы быть.

— Вы там кого нашли? — спросила я.

— Где?

— У санчасти. Ночью.

— Я не на том посту был.

— Но рапорт какой-нибудь должен быть.

— Я о рапортах сейчас не думаю. И тебе не советую.

— То есть никто ничего не знает?

Он остановился и обернулся.

— Ты хочешь со мной сейчас поспорить или к своему отряду вернуться?

Я замолчала. Не потому, что он убедил. Просто я действительно хотела вернуться. Вчера казалось, что главное — выбраться из отряда. Теперь я всё время думала о том, как туда попасть обратно.

Мая шла справа от меня. Она держала левую руку под курткой, словно ей было холодно. Я спросила шёпотом:

— Сильно?

— Терпимо.

— Ты вообще можешь ей двигать?

— Могу. Не сейчас.

— А пакеты?

— На месте, — коротко сказала она.

Эн услышала и покосилась на нас. Улыбаться никто не стал.

Марго всё чаще отставала. В санчасти она хотя бы старалась идти посередине, а теперь то забегала вперёд, то почти останавливалась. После каждого далёкого выстрела она дёргала головой. Лицо было бледным, возле носа выступил пот.

— Марго, тебе воды дать? — спросила Эн.

— Не надо.

— У меня есть.

— Я сказала, не надо!

Сопровождающий оглянулся.

— Чего встали?

— Идём, — сказала Мая.

Слева показался карантинный корпус. На одном окне по-прежнему виднелись бурые разводы. Я специально смотрела под ноги, чтобы не видеть их снова, и всё равно подняла голову. За стеклом что-то шевельнулось. Может, занавеска. Может, человек. Разбирать, что именно, не стала.

Раньше слово «карантин» никого из нас не пугало. Туда попадали все новенькие, когда приезжали в колонию. Две недели живёшь отдельно, проходишь осмотры, оформление, выслушиваешь правила, которые потом всё равно объяснят ещё раз. А после распределяют по отрядам. Я тоже там сидела, помню белую краску на подоконнике и как мы ночью шептались, кто куда попадёт. Тогда мне казалось, что хуже ожидания ничего нет. Сейчас хотелось оказаться той дурой, которая переживала только из-за распределения.

Возле выломанной калитки сотрудник остановился.

— Это что ещё за херня?

Красный огонёк над замком всё ещё горел. Ответная пластина висела криво, рама не сходилась. Через щель можно было протиснуться, даже не поворачиваясь боком.

— Мы так прошли, — сказала Мая.

— Вижу, что прошли. Кто сломал?

— Она и так плохо держалась, — ответила Эн.

— Угу. Сама взяла и упала.

Он взялся за калитку и дёрнул. Металл ударил о стойку. Мая даже не вздрогнула, только ещё сильнее прижала руку. Мне захотелось сказать, что это я её сломала, но это бы никому сейчас не помогло. Сотрудник пробормотал что-то про техчасть и передал сообщение по рации. Ему не ответили.

А потом из карантина закричали.

Сразу несколько голосов. Сначала отрывистый стук, будто кто-то колотил в металлическую дверь кулаком, потом женщина стала просить открыть. За ней ещё одна. Слова накладывались друг на друга, и я не могла разобрать, кто к кому обращается. Кто-то назвал фамилию. Потом раздался тяжёлый удар, от которого у Марго задрожали губы.

— Там люди? — спросила Эн.

— Да, — ответил сотрудник. — Быстрее. Не останавливаться.

— Они просят открыть.

— Я тебе сказал: вперёд.

Из-за стены опять закричали. На секунду мне почудился тот самый голос из ночи, возле запасной двери нашего отряда. Хотя это было невозможно узнать. Голосов на зоне сотни, если не тысячи, а когда человек кричит от страха, все они звучат немного похоже.

Марго стояла как вкопанная.

— Не туда, — сказала она еле слышно. — Не туда.

— Мы туда и не идём, — ответила Мая.

— Они дверь откроют.

Сотрудник подошёл к нам ближе.

— Здесь не задерживаемся. Быстро через калитку.

Он не объяснял, что произошло за стеной. Не предлагал проверить дверь. Просто сдвинул повреждённую створку, пропуская нас по одной. Я тоже не пошла выяснять. Если честно,

даже не подумала об этом до того момента, когда мы уже оказались по другую сторону. И только потом вспомнила, как Эн ночью стояла перед засовом и смотрела на меня.

У калитки Марго вдруг ухватила за мой рукав так крепко, что ногти прошли сквозь ткань.

— Не оставляй меня здесь.

— Я рядом. Пошли.

— Ты не понимаешь, — выдохнула она и толкнула меня, хотя я даже не пыталась уходить.

— Марго, хватит! — сказала Мая.

— Не командуй мне!

Она выкрикнула это слишком громко. Сотрудник обернулся, и я увидела, как его лицо на секунду изменилось. Не испуг даже. Он просто стал внимательнее.

— Что с ней?

— С ночи на ногах, — ответила Эн. — Ей плохо.

— Температура есть?

— Откуда мы знаем? — спросила я. — Градусники все в санчасти.

Он посмотрел на Марго, потом куда-то за наши спины. Повторять вопрос не стал.

— В отряде разберётесь. Только на территории не задерживайтесь.

Около жилой зоны он остановился у следующей калитки, открыл её ключом и выпустил нас.

— Прямо до четвёртого. Понятно? Никуда не сворачивать. Если кто-то из вас опять попадётся возле санчасти, я уже ничем помогать не буду.

— Вы и сейчас особенно не помогли, — пробормотала Эн, когда он отошёл.

— Он нас хотя бы не обыскал, — сказала Мая.

— Ага. Большой человеческий поступок.

08:16.

Марго шла медленно, и Эн всё время подстраивалась под неё. Я заметила, что у Марго правая манжета потемнела. Сначала решила, что это грязь. Потом она поправила косынку, рукав задрался, и на запястье показалась полоска покрасневшей кожи с неровным повреждением. Не глубоким на вид, но края были припухшие, а рядом засохла кровь.

— Стой. Ты руку поранила?

— Нет.

— Я же вижу.

Она быстро одёрнула рукав.

— Зацепилась ночью. Об железку. Чего ты пристала?

— Покажи. У Май есть...

Я вовремя остановилась. Мая повернулась ко мне так резко, что поморщилась от боли в плече.

— Что у Май? — спросила Марго.

— Ничего. Мы в санчасти были, там можно было хотя бы промыть. Почему не сказала?

— Потому что вы и так вокруг меня ходите, как вокруг ненормальной.

Эн взяла её за здоровую руку.

— Никто так не считает. Идём уже, почти дошли.

Марго вдруг тяжело задышала. Я испугалась, что она сейчас упадёт, но она согнулась, упёрлась ладонями в колени, несколько раз глубоко вдохнула и выпрямилась.

— Не трогайте меня. Просто дайте дойти.

Мы дали. Я шла рядом, не касаясь её, пока не увидела знакомое окно четвёртого отряда. Там стояла Нора. Она заметила нас и тут же исчезла из виду. Наверное, побежала к Стеф.

В обычный день, если бы кто-то опоздал на режимное мероприятие на час, нас уже ждали бы с фамилиями, объяснительными и обещанием лишить всего, чего ещё можно лишить. Сей-

час мне даже хотелось, чтобы было именно так. Значит, всё по-прежнему, значит, никто не пропал и можно наконец нормально поругаться из-за какой-нибудь ерунды.

Но в окне уже появилась Кристина. И по её лицу я поняла, что нормального утра сегодня не будет.

08:22.

Стеф открыла нам не сразу. Сначала в двери щёлкнул один замок, потом второй, и она высунула голову, будто ожидала увидеть кого угодно, только не нас.

— Вы время видели?

— Видели, — сказала Мая.

— Я вам час дала! Час! А там сейчас такое творится, вы вообще представляете?

— Всё, Стеф, мы пришли, — сказала Эн. — Пусти нас сначала внутрь.

Стеф отступила. Мы прошли, и за нашими спинами дверь сразу захлопнулась. В проходе толпились женщины. Похоже, они стояли здесь с того момента, как Нора заметила нас из окна.

— Диана с вами? — крикнула Лиза из дальнего конца.

Я даже не успела снять куртку.

— Нет. Не нашли.

Несколько человек заговорили одновременно. Кто-то спросил про санчасть, кто-то про стрельбу. Лиза попыталась протиснуться ко мне, но впереди неё оказалась Кристина. Она быстро оглядела меня, взяла за подбородок и повернула лицо к свету.

— Целая?

— Целая.

— Руки покажи.

— Крис, я не маленькая.

— Покажи.

Я показала обе. Она отпустила меня, зато тут же заметила Маю.

— А ты что плечом дёргаешь?

— Калитка не открывалась.

— И?

— Открылась.

Марго направилась к ближайшей шконке. Эн проводила её, а я осталась в проходе. Лиза уже стояла передо мной.

— Ну что? Про фабрику узнали?

— Подожди. Дайте мне две минуты.

— Моя сестра там, Лив. Я не могу две минуты.

Я понимала. И всё-таки от её голоса хотелось просто уйти в умывальник, закрыться и постоять, пока никто ничего не спрашивает. Но Лиза ждала. И все остальные тоже.

— Диану мы не нашли, — сказала я уже громче. — В санчасти никого не было. В одной комнате следы... В общем, что-то там произошло. Нашли её нагрудный знак. Вот.

Я достала его и показала. Кристина взяла пластиковую карточку, прочитала фамилию, потом посмотрела на меня. Я забрала знак прежде, чем кто-нибудь ещё попросил подержать.

— А на промке? — спросила Лиза.

— Мы туда не ходили. Слышали, как сотрудники говорили, что возле хозяйственного прохода видели нескольких человек в зелёных робах. Они шли в сторону промзоны. Кто именно — не знают. Это могли быть девочки из хозотряда, а могли и не они.

— Значит, живые!

— Я сказала: могли быть. Не надо пока...

— А разве их не на фабрике оставили? — перебила она. — Марго вчера слышала, как в цехе стучали. Значит, хотя бы там кто-то был.

— Был, — сказала я. — Но когда именно и что сейчас, мы не знаем.

— А что в санчасти? — спросила Нэнси. — Трупы есть?

— Нет, — ответила Эн. — По крайней мере, мы не видели.

— Кровь была?

— Была.

Стеф вернулась с главного выхода.

— Вы мне объясните: вас кто-то из сотрудников видел?

Мы замолчали. Не очень удачно, если собирались делать вид, что просто быстро прогулялись к санчасти.

— Видел, — сказала Мая. — Внутри. Разговаривал по рации.

— С кем?

— С Райдом.

Стеф закрыла глаза.

— Блять. Ну спасибо.

— Мы тебя не называли, — сказала я.

— А он сам, конечно, никогда не догадается, кто у четвёртого дверь открывает.

Мая тем временем незаметно отошла в сторону каптёрки. Я видела, как она придерживала куртку за край, чтобы пакет не шуршал. Эн заметила тоже и заговорила с Лизой ещё громче. У нас с ней, кажется, получалось прикрывать Маю даже без слов.

08:38.

Когда шум немного стих, я наконец дошла до своей шконки. Нора свесилась сверху.

— Я видела, как вы пришли. Марго что?

— Не очень.

— Она ещё ночью была какая-то странная.

— Она там одна бегала, Нор. Я бы тоже странная была.

Нора кивнула. Я сняла ботинки и вытащила из кармана помятое яблоко, которое сунула мне утром Кристина. Есть не хотелось. Нагрудный знак Дианы я подержала на ладони и снова убрала во внутренний карман куртки.

— Ты воду пила? — спросила Кристина за спиной.

— Пила. Чуть-чуть.

— На, допей.

Она подала мне кружку. Я выпила почти сразу и только потом заметила, что вода пахнет пластиком — наверное, из тех бутылок, которые мы ночью наполняли у крана. В умывальнике кто-то долго открывал вентиль. Из труб сначала хрипело, потом пошла тонкая струйка.

— Видишь, — сказала Крис. — Хорошо хоть набрали.

— А если совсем отключат?

— Тогда будем знать, сколько у нас осталось. Пока не надо раньше времени пугаться.

Я присела. Кристина заглянула мне в лицо.

— Ты ведь опять собираешься идти?

— Я ничего ещё не собираюсь.

— Ты с детства так отвечаешь, когда уже всё решила.

— Мы с тобой в моём детстве не знакомы были.

— Не мешай красивой фразе.

Мне стало смешно. На секунду, совсем ненадолго. Потом из соседнего прохода раздался голос Марго, и я поднялась.

Она сидела на шконке, Эн стояла рядом с кружкой. Марго кричала, что не хочет больше воды, и зачем её все заставляют. Эн ничего ей не навязывала, просто протянула кружку.

— Я не заставляю, — сказала Эн. — Поставлю здесь, если захочешь.

— Ты всё время возле меня ходишь!

— Хорошо. Отойду.

Марго прижала руку к груди. На манжете я опять заметила тёмный след.

— Слушай, — сказала я, присаживаясь рядом, — давай хотя бы ранку промоем. Тебе всё хуже, а у нас тут ни врача, ни нормальной аптечки. Надо посмотреть.

— Вы что, решили меня в санчасть обратно отправить?

— Нет. Я просто хочу посмотреть на руку.

— А потом скажете, что я ненормальная?

— Да кто тебе вообще это говорил?

Марго открыла рот, но не ответила. Эн уже принесла немного воды и чистую тряпочку. Я осторожно взяла Марго за запястье. Она сначала сопротивлялась, потом неожиданно разжала пальцы.

На внутренней стороне предплечья тянулась неровная ссадина. Чуть выше были два более глубоких повреждения, похожих на зацепы. У одного из них ткань прилипла к засохшей крови. От воды она отошла не сразу. Марго зашипела и попыталась вырвать руку.

— Всё, всё. Я же не врач, — сказала я. — Сама тогда промой, как тебе не больно.

— Это ночью, — сказала она. — Когда через проход бежала. Там железо торчало.

— Почему не сказала сразу?

— А что бы изменилось?

Я не нашла ответа. Действительно, что? Мы с утра дошли до санчасти, где лежали бинты и антисептик, а про её руку не знали. Обидно было именно это. Мая со своими украденными лекарствами оказалась права ещё раз.

Эн принесла чистую салфетку из своих вещей. Кристина достала из тумбы остаток антисептика, которым обрабатывала мелкие порезы, и мы вместе кое-как привели повреждение в порядок. Марго потом долго держала рукав закатанным, рассматривая повязку, будто не узнавала собственную руку.

— Ты поесть хочешь? — спросила Крис.

— Нет.

— Тогда лежи. Хоть полчаса.

Марго легла не раздеваясь. Эн укрыла ей ноги пледом. Я заметила, что на лице у Марго выступили мелкие капли пота, хотя в комнате было прохладно.

Мы не стали мучить её дальше. Сказать, что мне от этого стало спокойно, не могу.

09:02.

Мая нашла нас возле чаепитки. Куртку она уже сняла, лекарства исчезли, и я не собиралась спрашивать, куда именно. Левую руку она держала на весу.

— Крис, у тебя шарф какой-нибудь ненужный есть?

— Для чего?

— Руку подвязать. Я её, кажется, всё-таки отбила.

— Покажи.

Мая попыталась поднять локоть и тут же выругалась. Кристина не стала тянуть её за больное плечо, просто принесла длинный платок. Мы сделали что-то вроде косынки под предплечье. Мая посмотрела на себя в зеркало над раковиной.

— Красота. Осталось табличку «инвалид» повесить.

— И ещё раз в калитку разбежаться, — ответила Эн.

— Вот за это я тебя и люблю.

Стеф подошла к нам прежде, чем мы успели закончить.

— Звонок был из дежурки. Райд требует меня и одну из вас. Сейчас.

Мая повернулась.

— Я пойду. Я же с тобой договаривалась.

— Ты куда пойдёшь с этой рукой? — спросила Кристина.

— Ногами же иду.

— Мая, — сказала Стеф, — он спрашивал не только того, кто разрешение выпрашивал. Любую участницу. Мне, честно говоря, вообще всё равно, кого. Лишь бы потом не пришлось объяснять, почему никто не явился.

Я посмотрела на перевязанный локоть Маи. Она ещё утром разбила плечо, но до сих пор пыталась делать вид, что ничего особенного не произошло. И лекарства надо было спрятать, и чужие вопросы отбивать. В конце концов, решение идти за Дианой было моё.

— Пойду я.

— Нет, — сразу сказала Эн. — Ты сейчас начнёшь с ним ругаться.

— А ты, конечно, будешь молчать.

— Я хотя бы сначала подумаю.

— Эн, хватит.

Стеф посмотрела на нас.

— Всё. Лив идёт. Одевайся.

Мая хотела возразить, но я покачала головой.

— Сиди. Ты калитку плечом открывала. Теперь хотя бы дай ему отдохнуть.

— Только лишнего не наговори, — сказала она.

— Я постараюсь.

— Вот это меня и пугает.

Кристина поправила ей косынку и сунула мне в руки куртку. Даже сейчас у неё находилось время следить, как кто одет. Я вздохнула, надела ботинки — второй раз за утро — и пошла вслед за Стеф.

09:17.

На этот раз дверь открыли официально. Пришедший за нами сотрудник сверился с фамилиями, велел идти рядом и предупредил, что никуда сворачивать нельзя. Стеф сразу начала объяснять, что никого не отпускала, просто ситуация была исключительная. Он сказал: «На месте расскажете». И дальше мы шли молча.

У административного корпуса мы подождали, пока сопровождающий поговорит с человеком за дверью. Внутри было прохладно. На подоконнике стоял электрический чайник с открытой крышкой, рядом две немытые кружки. Свет здесь работал, но одна лампа моргала. Я подумала, что у них, видимо, тоже генератор не справляется, и тут же разозлилась: наш отряд со свечками всю ночь просидел, а у них хоть одна лампа моргает.

Стеф теребила ключи. Никогда раньше я не видела, чтобы она так нервничала перед начальством. Обычно это мы стояли перед ней и придумывали, почему кто-то забыл подписать пакет в каптёрке или вышел не по строю. Сейчас она выглядела такой же заключённой, только с ключами.

— Ты только за меня не говори, — шепнула она.

— Не буду.

— И про то, что дверь открыла... Я сама объясню.

— Я же сказала: мы сами решили.

— Лив, не надо изображать благородство. Просто расскажи по-человечески, как было.

Я кивнула. Дверь в дальнем конце коридора открылась, и нам разрешили пройти.

Кейн Райд стоял у стола, а не сидел за ним. На столе лежали два списка, рация, связка ключей и зарядка от телефона. Он выглядел уставшим, хотя и не настолько, как сотрудник из санчасти. Рукава рубашки были закатаны.

— Четвёртый, значит.

— Да, — сказала Стеф.

Он узнал меня. Конечно, узнал. Вряд ли каждый день к нему приводили заключённую, которая при любой удобной возможности напоминала, как сильно ей понравилось распределение на швейку вместо библиотеки.

— Кросс. Не удивлён.

— А я рада, что мы с этого начали, — сказала я.

Стеф шумно вдохнула. Райд посмотрел на неё.

— Сколько человек покинуло отряд?

— Четыре, — ответила она. — Я их выпустила, да. Они хотели выяснить, где Дэвис. Я дала им час и велела вернуться. Никого больше не отпускала.

— Приказ оставаться внутри вы получили?

— Получила.

— И всё равно открыли?

— Если бы я не открыла, они бы сами попытались. Там половина отряда с ночи возле дверей стояла. Я решила, что четверо безопаснее, чем когда они все разом рванут.

Я посмотрела на неё. У Стеф получилось гораздо лучше, чем я ожидала. Райд, кажется, тоже заметил, что она не собирается прятаться за моей спиной.

— А вы, Кросс, почему решили, что можно самостоятельно ходить по территории?

— Потому что Диану вчера отправили на работу, а назад она не пришла. И ни один сотрудник не сказал, где она.

— Это не даёт права открывать режимные проходы и передвигаться без сопровождения уполномоченных сотрудников исправительного учреждения.

— Я знаю, что не даёт. А кто её искать будет?

Он положил ручку.

— Вы не знаете, что происходит снаружи вашего отряда.

— Да. Именно поэтому мы и пошли посмотреть.

— И обнаружили, что можно выломать калитку, зайти в санчасть и создать ещё одну проблему тем, кто пытается удержать учреждение в рабочем состоянии.

— А мы не создавали бы проблему, если бы сидели и ждали, пока нам скажут, что наша подруга пропала окончательно?

— Вы не знаете, что с ней случилось.

— Так скажите мне!

Я повысила голос. Стеф осторожно взяла меня за рукав, но я уже не могла остановиться.

— Вы вчера вызвали хозотряд. Их отправили куда-то ночью. Она была у санчасти, там её нагрудный знак лежал. На фабрике люди остались ещё со вчерашнего дня. Вы знаете хотя бы, сколько их сейчас там?

Райд выдержал паузу. Не как человек, который ищет красивый ответ, а как человек, которому за ночь этот вопрос задали уже раз двадцать.

— У нас нет подтверждённого списка людей по всем участкам, — сказал он наконец. — Связь с частью постов отсутствует. Ваша знакомая могла уйти с группой в другое помещение. Я не буду говорить, что знаю её местонахождение, если не знаю.

Я вдруг почувствовала себя глупо. Не потому, что он был прав, а потому, что я приготовилась ловить его на лжи, а он сказал ровно то, чего мы и так боялись.

— Тогда надо проверить фабрику.

— Проверят, когда будет возможность.

— Когда?

— Когда это не увеличит число пропавших.

— Очень удобно.

Он посмотрел мне прямо в лицо.

— Кросс, если бы я сейчас отправил туда четырёх человек и они не вернулись, вы бы спросили, зачем я их отправил. И правильно спросили бы. Поэтому сейчас никто никуда не идёт по собственному желанию.

У меня нашлось что ответить, но Стеф заговорила раньше.

— Они в карантин не заходили. Но оттуда слышны крики.

Райд посмотрел на неё, потом на меня.

— Вы подходили к карантинному корпусу?

— Шли мимо, — сказала я. — Сотрудник нас провожал. К калитке. Там дверь кто-то колотил, люди кричали. Он велел ускориться.

— Внутри не заходили? Ни в одно помещение карантина?

— Нет.

— Никого оттуда не выводили? Не разговаривали вплотную с людьми, которые были внутри?

— Нет. Мы даже их не видели. Только слышали.

Он что-то пометил в листе. Потом спросил про санчасть: какие кабинеты осматривали, что трогали, сколько времени там были. Я перечислила коридор, лестницу, комнату с перевёрнутым стулом, журнал на стойке. Про лекарства Майи не сказала. Про знак сказала сама: нашла его на полу возле табурета и забрала с собой.

— Нагрудный знак при вас?

— Да.

— Покажите.

Я достала его и положила на край стола. Райд повернул пластик, прочитал фамилию.

— У неё он и раньше плохо держался, — сказала я. — Это не значит, что с ней что-то случилось.

Он поднял взгляд. Наверное, хотел сказать, что я сама себе сейчас отвечаю. Но промолчал. Вернул знак.

— На территории были выстрелы, — сказала я, убирая его. — И за внешним периметром. Мы видели мужчину у забора. В него стреляли, а он продолжал лезть. Что происходит?

— По территории передвигаться без сопровождения опасно. Этого вам достаточно, чтобы выполнить распоряжение?

— Нет, недостаточно. Но я уже поняла, что другого ответа не получу.

Он опёрся ладонями о стол. Рядом затрещала рация. Кто-то назвал номер поста, попросил повторить, потом связь пропала. Райд нажал кнопку, ответил, подождал и положил её обратно.

— Мне не нужны ещё четыре человека, которых придётся искать, — сказал он. — И людям в вашем отряде тоже. Вы сюда явились давать объяснение, а не распределять сотрудников по объектам. В следующий раз дверь не открывать. Это касается и вас, и завхоза.

— Понятно, — сказала Стеф.

— А за калитку кто отвечает?

Я посмотрела на неё. Стеф — на меня. Мая, кажется, мысленно выругалась бы за нас обе, если бы стояла рядом.

— Мы открывали, — сказала я.

— Я уже вижу. Как именно?

— Плохо была закреплена. Ударили, и крепление оторвалось.

— Кто ударил?

— Я пришла вместо Майи, — ответила я. — Если нужно объяснение от участницы, записывайте меня. Мы все решили пройти через неё.

Он задержал на мне взгляд. Я не знала, поверил ли он, что ударила именно я. Но и уточнять не стал.

— Объяснение напишете, когда выдадут бумагу. Сейчас возвращайтесь. У дверей отряда ещё раз проверите запоры. Стефани Маерс, людей в отряде пересчитать и отчитаться. И сообщить, кому требуется медицинская помощь. По возможности передадим препараты.

— У нас женщина поранилась, — сказала я. — Марго. Она с ночи плохо себя чувствует.

— Рану обработали?

— Чем смогли.

Он сделал пометку на своём листе.

Я уже повернулась к выходу, когда он добавил:

— И библиотека сейчас тоже закрыта, Кросс. Чтобы у вас не возникло новых идей.

Я остановилась. Ну вот. Значит, помнит.

— Не переживайте. Сегодня у меня другие планы.

Стеф почти силой вывела меня в коридор.

09:49.

Пока мы ждали сопровождающего, она смотрела на меня так, будто решала, ругать или благодарить.

— Я тебя просила по-человечески поговорить.

— Я и говорила. Ни разу даже не выругалась.

— Это ты считаешь достижением?

— Сегодня — да.

Стеф коротко засмеялась, сама от себя этого не ожидая, и тут же помрачнела.

— Он про лекарства не спрашивал?

— Не спрашивал.

— И не надо мне рассказывать, что вы ничего оттуда не взяли. Я вас знаю.

Я промолчала.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Не знаю — значит, не знаю.

Выйдя на улицу, я услышала короткую очередь со стороны внешнего периметра. Стеф автоматически остановилась. Сопровождающий сказал, что нам надо идти, и сам зашагал быстрее. В этот раз я не задавала вопросов. Их у меня стало ещё больше, а ответов никто не прибавил.

10:07.

В четвёртом отряде женщины уже ждали нас возле столов. Кто-то успел разлить чай по кружкам, кто-то перекладывал хлеб из пакетов в общую корзину. Воды из крана почти не было. От обычного воскресенья оставалось только то, что не надо было выходить на фабрику по расписанию. Для тех, кто там остался, это, видимо, было не так уж приятно.

— Ну? — спросила Лиза, едва мы вошли. — Что он сказал?

— Ничего про Диану, — ответила я. — Не знают, где она. Обещают проверить промзону, когда смогут.

— Когда смогут! — повторила она. — Они всю ночь могут строчить из автоматов, а зайти на фабрику не могут?

— Лиза, я сама это спрашивала.

— И что?

— И ничего.

Эн сидела с Марго. Та не спала. Смотрела на дверь, обнимая колени здоровой рукой. Повязка на второй сползла к запястью.

— Она хоть ела? — спросила я.

— Полконфеты, — ответила Эн. — Потом сказала, что тошнит.

Мая вошла из каптёрки и тихо спросила, удалось ли нам объясниться. Я кивнула.

— Про мои вещи?

— Ничего.

— Хорошо.

— Я сказала, что твоё плечо пострадало, поэтому пошла я.

— Да и так бы пошла. Тебя же хлебом не корми, дай с Райдом поссориться.

— Не поссорила. Просто поговорили.

Кристина посмотрела на меня поверх кружки.

— Вот теперь совсем страшно.

Мы не успели продолжить. В главную дверь громко постучали.

Стеф подхватила ключи, но открывать сразу не стала. Сначала спросила фамилию, дождалась ответа и лишь потом отперла. Вошёл сотрудник с папкой. На секунду я решила, что нас опять вызывают писать объяснения. Вместо этого он попросил всех собраться в секции.

Женщины подтянулись из проходов. Кто-то остался у шконки: слышно было и оттуда. Лиза стояла рядом со мной, так напряжённо сжав руки, что побелели костяшки.

Сотрудник развернул бумагу.

— В связи с чрезвычайной обстановкой до особого распоряжения запрещено покидать жилые отряды без сопровождения и разрешения дежурной части. Производственная зона закрыта. Перемещение между локальными участками прекращено. Все остаются на местах. Сотрудники будут проводить проверку численности и решать вопросы снабжения по мере возможности.

— А на фабрике люди! — сразу выкрикнула Лиза.

Он поднял ладонь.

— Я ещё не закончил.

— А я уже закончила! У меня там сестра. Вы их будете выводить или нет?

— Самовольных выходов не будет, — произнёс он, глядя в бумагу. — Это ради безопасности всех находящихся на территории. Необходимо исключить неконтролируемое перемещение между участками. До отдельного распоряжения к промзоне не подходить.

— Так они там останутся? — спросила Эн.

— Вопрос решается. По остальным отрядам распоряжение такое же. Не создавайте дополнительных проблем. Двери держать закрытыми.

— Вы хотя бы знаете, сколько там людей? — спросила я.

Он посмотрел на меня, и я узнала то самое выражение. Не раздражение даже. Просто просьба, чтобы мы не заставляли его отвечать на вопросы, ответа на которые у него нет.

— Информация уточняется.

Стеф расписалась за получение распоряжения. Лист убрали в папку. Сотрудник ушёл, и мы услышали, как за ним закрывается дверь.

На несколько секунд в секции стало очень тихо. Потом Лиза сказала:

— Они нас просто заперли.

— У нас тут хотя бы вещи наши есть и шконки, — ответила Нэнси. — На промке у девочек даже этого нет.

Мая стояла у стола и придерживала больную руку. Вчера она ещё могла приказывать всем в цеху разойтись по машинкам. Сейчас смотрела на Стеф и ждала, что та скажет. А Стеф смотрела на лист с распоряжением, будто там между строк должен появиться ещё один пункт: что делать дальше.

— Ну что? — спросила Лиза. — Опять будем до завтра ждать?

Никто не ответил сразу. Я знала, что она спрашивает не только Стеф. Ещё утром я сама говорила почти то же самое.

Я дошла до своей шконки и достала нагрудный знак Дианы. Положила его на колено. Два чёрных стежка, за которые я столько раз над ней смеялась. Когда вернётся, пришью нормально. Хоть насильно посажу возле себя, никуда не отпущу, пока не закончу.

— Лив, — сказала Эн, остановившись рядом. — Ты что думаешь?

— Думаю, что они промзону открывать не собираются.

— Они сказали «до распоряжения».

— Знаю.

— И что теперь?

Я убрала знак в карман.

— Теперь надо узнать, кто там остался. И как туда вообще можно попасть.

Эн посмотрела в сторону главного выхода, потом обратно на меня. Мы обе видели, как Стеф проверяла замок.

За окнами было обычное воскресное утро. В какой-то другой жизни я бы сейчас спала, а Диана спала бы до десяти, как ей вчера разрешили. Но десять уже прошло. И никто больше не мог сказать, когда она вернётся.